

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вячеслав Нескоромных

Алмазные грани

Роман

Вячеслав Нескоромных

Алмазные грани

«Автор»

2022

Нескоромных В. В.

Алмазные грани / В. В. Нескоромных — «Автор», 2022

Книга основана на реальных событиях открытия месторождений алмазов в России. Эта история имела свои трагические моменты и включает непростые судьбы людей, имевших отношение к этому выдающемуся событию в мире геологии и промышленности страны. В центре повествования непростая судьба первооткрывательницы якутских алмазов Ларисы Гринцевич с ее выдающимся стремлением быть всегда нужной и полезной стране и трагедия известных ученых-геологов Николая Федоровского и Дмитрия Мушкетова. В книге дается современный взгляд на алмазную отрасль. В этой части книги представлены герои нашего времени – исполнительный директор алмазной компании DiRosa Стас Каменев и Мария Степнова – руководитель архитектурного бюро «Новый век», которые продвигают успешно грандиозные новации в алмазной отрасли, меняя мораль, облик и структуру крупной компании, наследницы великого открытия Якутской алмазной провинции. Содержит нецензурную брань.

© Нескоромных В. В., 2022

© Автор, 2022

Вячеслав Нескоромных

Алмазные грани

Вячеслав Нескоромных

Тел. 89950968371

sovair@bk.ru

Вячеслав Нескоромных

1958 года рождения, профессор Сибирского федерального университета, доктор технических наук, заведующий кафедрой, ведущий специалист в области технологии и техники геологоразведки. Автор ряда учебников, монографий, изобретений и научных работ в области

геологической разведки, Лауреат Премий Главы города Красноярска и Правительства Красноярского края в области науки и образования, Лауреат конкурсов на лучшую научную книгу, Лауреат конкурса РИА имени Первопечатника И. Федорова, Почетный работник ВПО РФ.

Родился на Алтае, на Камчатке закончил школу, учился и работал в Иркутске и Красноярске, знаком со многими местами Сибири, Дальнего Востока, Якутии.

Автор художественных и публицистических работ, очерков, рассказов и книг «А путь и далек, и долог...», романов «Сны командора», «Завет Адмирала», «Алмазные грани», Лауреат литературных конкурсов «Голос Севера», «Русский Гофман», «Триумф короткого сюжета», «Лебеди над челнами», «Петроглиф», «Добрых сердец» и др. Публиковался в журналах «Балтика», «День и ночь», «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог», «Новая университетская жизнь» и др.

Аннотация

Книга основана на реальных событиях открытия месторождений алмазов в тайге и болотах республики Саха-Якутия. Эта история включает свои трагические моменты и включает непростые судьбы людей, имевших отношение к этому выдающемуся событию в мире геологии и промышленности не только страны, но и мира.

В центре повествования непростая судьба первооткрывательницы якутских алмазов, фронтовика, юной выпускницы ленинградской школы 1941 года Ларисы Гринцевич с её выдающимся стремлением быть всегда нужной и полезной стране и трагедия известных русских ученых-геологов Николая Федоровского и Дмитрия Мушкетова.

В книге рассказывается и о судьбе Ефросиньи Керсновской, незаурядной, яркой личности, которая провела в Норильском лагере много лет и оставила свидетельство о страшных годах заключения в книге «Сколько стоит человек».

В романе рассказывается о работе геологов в тяжелое послевоенное время, противоречиях и трудностях геологического поиска и вдохновении, которое занимает исследователя и ведет к великому открытию.

В книге дается современный взгляд на алмазную отрасль. В этой части книги представлены герои нашего времени – исполнительный директор алмазной компании *DiRosa* Стас Каменев и Мария Степнова – руководитель архитектурного бюро «Новый век», которые продвигают грандиозные новации в алмазной отрасли, меняя мораль, облик и структуру крупной компании, наследницы великого открытия Якутской алмазной провинции.

АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ

РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алмазы – бесцветные, иногда окрашенные гранулы «битого стекла», тверже и краше которого не создавала Вселенная.

Эти качества и дают невероятные очарование, востребованность и привлекательность. При взгляде на осколки добытого твердого прозрачного минерала возникает чувство, что это разбитый в невероятном гнев небожителей фужер обрушился осколками на Землю, одарив избранные уголки планеты своим сиянием.

И действительно, существует персидская легенда, которая гласит: *«В начале творения Бог создал прекрасный, чистый, гармоничный мир для первых людей. Для его сохранения он поставил божественную защиту – твердь небесную. Но коварный Дух проник в этот совершенный мир, осквернил его и разрушил божественную защиту. Ее осколки упали на землю, превратившись в алмазы, которые не потеряли присущей им божественной энергии защиты и помощи. И с тех пор они служат напоминанием о совершенном мире и проводником к нему».*

Теперь человеку ничего не остается, как поднимать найденные осколки тверди небесной, как подаяние.

Если в давние времена алмазы были востребованы как материал для изготовления бриллиантов и какого-либо иного применения практически не имели, эпоха развития промышленности явила иные масштабные цели использования сверхтвердого материала. Технические алмазы незаменимы при сверхтонкой обработке любых самых прочных материалов, бурении крепчайших горных пород, сверлении высокоточных артиллерийских стволов – серьезнейший аргумент в дипломатическом споре и военном противостоянии. Без алмазов невозможно развитие микроэлектроники, а значит, и многих самых современных направлений, таких как ИТ-технологии, нейрохирургия и исследование космоса.

Но если промышленное использование алмазов как всякая черновая работа остается в тени, чистая «слеза» ювелирных алмазов ослепительным сиянием бриллиантов оттеняет и делает более значимым величие королевских особ, представителей правящих обществом элит, множит красоту светских дам на роскошных приемах, тешит самолюбие околосветских стерв, повышает уровень чванливости и презрения к миру людей более «низших», как им кажется, жизненных укладов и общественной значимости.

Вкладываясь в уязвимую женскую красоту активами неувядающего сияния бриллиантов стало традицией высшего света. Нетленная красота драгоценных камней, их много каратное количество на телах дорогих самок, уверенно и игриво вышагивающих среди света, блистающих на приемах и на ослепительных балах, столетиями определяют уровень возможностей и притязаний на положение в обществе со стороны мужчин, ими владеющих.

«*Diamonds are a girl's best friend...*» – звучит столетие как девиз и призыв к мужчинам раскошелиться.

Сияние бриллиантов может показаться бесполезным, но известно, что именно яркий блеск, бликуя и блефуя, застилает глаза, а важнейшие порой решения в политике и бизнесе зреют в постелях с дамами – «ночными кукушками», чьи блеклые порой от природы прелести земной женской красоты многократно приукрашены алмазным сиянием.

Завораживающий, лишающий землян воли космический блеск бриллиантов превратился в объекты поклонения, знаки ложного величия, власти, вожделенного могущества, гордыни и безмерного тщеславия. Мужчины, восходя по крутым и скользким ступеням благосостояния и власти, украшают мундиры звездами и крестами со сверкающими алмазами, нуждаясь в поддержке своего реноме их магическим сиянием. При этом забывается порой, что истинное Величие может быть добыто только в серьезном деле, в пороховой гари на поле сражения во имя Великой цели, в служении на ниве науки или искусства. И тут выясняется, что по-настоящему великие люди просты и равнодушны к сиянию самоцветов. Ими движет вкус успеха и победы – как сияние света, радость при достижении большой цели, решении сложнейших задач при преодолении преград и успешно обойденных коварных засад.

Но так выходит, что герои, постоянно рискуя, всегда зависимы от тех, кто окружен и возвышен алмазным сиянием, и в этом вечное, как мир, противостояние чести, доблести, истинного таланта и кабинетного высокомерия правящих элит.

Так родился миф о мнимом могуществе алмазного блеска, ослепляющего и освещающего путь к финансовому могуществу, вершинам власти и обладанию женской красотой. Мнимом – поскольку ничего не может добавить блеск бриллиантов к естественным красоте и грации, героизму, интеллекту, профессионализму, истинному таланту и великому творчеству.

История участия алмаза в человеческой цивилизации началась в Индии, где в стародавние времена ведического периода стали добывать необычные камни. Почти два тысячелетия Индия была единственным источником алмазов, и эти камешки волшебного сияния были воистину редкостными.

Считалось, что самые крупные алмазы, которые получили собственные имена и были наперечет, доставлены на Землю в сокровенных шкатулках на инопланетных колесницах светлыми гигантами или пролились сверкающим дождем на избранных Божественным Провидением.

Но, тем не менее, алмазы обычно добывали в песчаниках и галечниках, в руслах рек, в россыпях примитивнейшим способом вовсе не пришельцы с иных планет. Этим занимались чаще всего совершенно обездоленные люди, словно слепые кроты в неглубоких, часто обваливающихся шахтах-норах. Эти изгои, лишённые всего, кроме воздуха, рыли землю, насыпали ее в бочки, выкачивали воду, выносили землю на поверхность, где перебирали, внимательно вглядываясь в пестрый песок, и находили изредка камни с волшебными свойствами.

Так работали годами без перерыва; тут и умирали, истощенные, оставшись навечно под слоем выхолащенной своими же руками земли.

С открытием Америки для европейцев были открыты россыпи алмазов в Бразилии.

Случилось это в восемнадцатом веке, и страна на полтора века стала основным поставщиком алмазов, утешая светских дам в круговерти страстных любовных отношений и в старости.

Открытие африканских и первых в мире коренных месторождений алмазов случилось в 1867 году. Как многие открытия в географии или геологии, это открытие может показаться случайным.

На берегу реки Оранжевой, в округе Гон-Тоун, сынишка бедного фермера играл, собирая камешки для своей младшей сестренки, и нашел камень, который как-то особенно ярко блестел. Мать мальчика обратила на это внимание и рассказала о любопытном камешке соседу фермера. Тот, являясь любознательным и понимая толк в минералах, выкупил находку и тут же установил, разрезав гранью камня стекло, что у него в руках настоящий алмаз.

Сосед фермера оказался разворотлив и привлек к поискам алмазов местных жителей – черных как ночь кафров, и вскоре один из них принес громадный алмаз, который в дальнейшем получил название «Звезда Южной Африки». Африканец чуть было не лишился рассудка, когда ему предложили за камень стадо баранов, десяток коров, которые вместе взятые стоили около 250 фунтов стерлингов.

Позже алмаз был продан за 11 200 фунтов, а после огранки бриллиант уже стоил 25 000 фунтов.

Как только разнеслись вести о находках алмазов на берегах реки Оранжевой, сюда устремились бесконечным потоком желающие разбогатеть: вспыхнула алмазная лихорадка, которая, впрочем, не обогатила африканцев, а только еще более усугубила их бедственное существование – желающих грабить континент значительно прибавилось.

Первоначально в Южной Африке разрабатывались только россыпи по рекам. Сначала предполагалось, что у реки Оранжевой расположена лишь крупная россыпь, но в процессе углубления алмазоносных пород стало понятно, что случайно найдено коренное месторождение алмазов в ранее неведомой горной породе, которую называли кимберлитом. На месте горных работ возник на первых порах временный поселок, превратившийся затем в крупный город Кимберли.

Кимберлит, как оказалось, заполняет трубчатое тело – трубку взрыва, относительно небольшую, несколько сот метров по диаметру, но уходящую вертикальным сужающимся конусом на большие глубины в недра планеты. Именно через эти трубки-дудки в давние времена планета выбрасывала из своих глубин раскаленные горные породы, насыщенные углеродом, и в пламени извержения рождалось иное качество материала – россыпь «звезд» – прозрачные кристаллы алмазов, которыми насыщался массив породы, словно небо звездами.

Трубка Кимберли – первая на планете – уже отработана более чем на километр в глубину и продолжает снабжать мир сверкающими алмазными гранями. По имени первого месторождения алмазов все подобные найденные алмазные трубки стали называть кимберлитовыми.

В начале двадцатого века были открыты алмазные россыпи в Южной Родезии, в Анголе и Намибии.

В России первые значимые находки алмазов случились еще в 1829 году, то есть раньше африканских. Алмазы нашлись в теперешнем Пермском крае в реках, несущих с Уральских гор минералы, влекомые неукротимой энергией воды. Первые же русские алмазы нашли юные, как сама природа чистых горных рек, Павел Попов и Иван Соколов из семьи крепостных крестьян. Находка случилась на реке Полуденке недалеко от поселка Промысла при промывке золота в шлиховом лотке.

Так началась история уральских алмазов, и примечательно, что, как и в Африке, находки алмазов оказались случайными и были сделаны пронырливыми пытливыми мальчишками.

Первые уральские алмазные россыпи были обнаружены в верховьях реки Койвы. Затем поисковые работы передвинулись на север, в бассейн реки Вишеры. Алмазы там обнаружались ювелирные, очень плотные, по большей части бесцветные и прозрачные – высшего качества. Главная же научная загадка происхождения уральских алмазов по-прежнему в том, что места рождения твердейших кристаллов – трубки взрыва и сами кимберлиты – несмотря на все усилия по сей день так и не обнаружены.

Многие годы еще прошли, многие научные споры состоялись, и многие судьбы были сломаны в противостоянии на тему: «Как и где искать месторождения алмазов в СССР», пока не грянула эпоха якутских алмазов.

Якутские алмазы оказались открыты в отчаянные послевоенные годы восстановления после самой губительной войны. Мир капитала, чванливые властители алмазных рудников были страшно разочарованы, когда были открыты «Зарница», «Мир», «Удачная» и другие алмазосодержащие трубки в стильной северной земле у границ Полярного круга. Случилось это громкое событие за многие тысячи верст от лондонской и американских бирж, на которых появление известия о русских алмазах прогремело как гром и тут же обвалило акции монополиста алмазного сырья *De Beers*. Монополист смекнул, что скоро придется потесниться на рынке, и, чтобы сгладить падение спроса на свою продукцию, выступил с предложением поставлять в Советский Союз алмазы по приемлемой цене, в противовес политикам, которые пытались объявить алмазный бойкот победившей фашизм стране. Уже этим еще до того, как первые якутские алмазы пошли обильным потоком в промышленное освоение, удалось сбить спесь англосаксам и получить столь нужное стратегическое сырье. Пришлось людям бизнеса запоминать и, ломая язык, проговаривать неведомое покуда для себя слово – *Ya-ku-ti-a*. Скоро, однако, отошли от шока, попривыкли, но, строя бизнес-планы, косились на огромные сибирские и северные пространства непредсказуемой, как стихия, страны с мыслью: «А что там еще прячут эти русские?» А призадумавшись, кривились, глотая, как микстуру, элитный виски. И не зря кривились, косясь на восточного соседа, занимающего гигантские стильные пространства, омываемые малодоступными северными морями.

Удивительно, но якутские алмазы открыли русские женщины!

Как бы в поддержку утверждения, что бриллианты – лучшие друзья девушек, русские дамы совершили великое открытие самой обширной алмазной провинции мира.

Но об этом еще очень долго мало что было известно.

Второй мощный удар по экономике алмазного сырья пришел вновь из северных провинций России и оказался неожиданным, как падение кометы: грянуло открытие алмазного месторождения нового типа – космического.

В начале семидесятых годов прошлого столетия исследование метеоритного кратера на севере близ стилого моря Лаптевых открыло миру новые алмазоносные породы – импактиты.

Порода оказалась насыщена алмазами, как ночной небосвод звездами – во всю ширь и глубину. Дорогие кристаллы образовались при ударном столкновении посланника Космоса – астероида с Землей. Порода, наполненная алмазами мощным слоем на огромной территории, явили миру сомнения по поводу утверждения, что алмазы – редкостный продукт. Алмазы оказались рассеяны по всей котловине огромного Попигайского кратера, внутри которого произошло в момент удара астероида о земную твердь превращение графита в самые прочные алмазы, известные в природе. Общие запасы алмазов в кратере, по подсчетам исследователей, превышают все известные запасы алмазов кимберлитовых провинций мира.

Попигайский феномен, – астроблема, открыл иную реальность древнего промысла самых твердых природных образований во всей Вселенной.

Едва мир оправился от сведений об огромных запасах алмазов на северных территориях России, грянул иной гром: открытие промышленной технологии производства искусственных алмазов. Волею человека, его интеллектом созданы технологии, способные генерировать сверкающие зерна, которые можно множить кратно, непрерывным потоком в стерильной обстановке суперсовременных лабораторий под беззвучное доминирование компьютеров и шуршание принтеров. Но наука неудержима: вскоре научились алмазные зерна трансформировать в поликристаллическую структуру, облекая алмазным слоем, словно бутерброд маслом, детали, резцы и зубья – любые по форме поверхности, для обработки и разрушения твердых материалов в самых тяжелых условиях.

Вот так рушились устои и правила ювелирной алмазной отрасли, гигантского бизнеса под напором интеллекта и научного поиска на стыке теорий, и оказалось, что сверкающие алмазы – это всего-то модификация графита, невзрачного угля, и эти природные субстанции, столь различные по своей внешней сути, могут трансформироваться друг в друга под влиянием внешних условий. Вот добыл ты алмазы, огранил их и сделал ожерелье, потратив целое состояние, а если вдруг спяну забыл сокровище у жаркого очага, то наутро – вот чудо! – только следы графита, – хоть карандаши делай, и никакого богатства! История прямо-таки из популярной сказки, в которой сверкающая карета в полночь превращается в тыкву.

АФРИКА БОГАТА НЕ ТОЛЬКО ЗВЕРЬЕМ

Летом 1929 года немногочисленная группа советских геологов отправилась на международный конгресс в Южную Африку. Повод для поездки был крайне важным: на форуме ученые из многих европейских университетов собирались обсудить геологию алмазных месторождений. Исходя из растущих потребностей стратегического сырья партия ВКП(б) и Правительство требовали от геологов решительных усилий в деле поисков, разведки и добычи алмазов.

Задача ставилась по-большевистски решительно и бесповоротно, а сроки устанавливались самые жесткие.

В составе группы из СССР были «основные геологические силы». Руководил группой геологов Дмитрий Мушкетов – бывший директор Геологического комитета страны, профессор Ленинградского университета. Вторым по уровню известности и авторитета среди ученых являлся профессор МГУ, член Академии наук Николай Федоровский. Мушкетов пользовался особым авторитетом среди геологов в СССР, ибо достойно продолжал дело своего отца, известнейшего геолога и путешественника Российской империи Ивана Мушкетова. Авторитет отца был велик, ведь именно он стал известен в мире как проводник нового геофизического направления исследования земных недр и серьезный первопроходец-путешественник.

– Батюшка-то ваш велик, Дмитрий Иванович! Я ведь слушал его лекции и доклады Владимира Обручева, известнейшего его ученика, в Горном институте в Санкт-Петербурге. Великих познаний был человек и автор серьезных научных теорий! А как говорил! Как образно излагал свои мысли, какие приводил примеры из обширнейших поездок по Джунгарии, Уралу,

Кавказу. Во многом именно его лекции и стали для меня проводником в геологическую науку. Прямо-таки чуял сердцем – желаю быть похожим на него, – излагал свое отношение к отцу Мушкетова Федоровский в долгих беседах в поездке.

– Да уж, Николай Михайлович, согласен с вами. Батенька был крепок! Казак с Хопра! На коне держался как заправский наездник! Рассказывал батенька, как попал он со своим отрядом в Джунгрии чуть ли не в плен к киргизам. Князек местный взялся чего-то требовать от них, ругался, размахивал нагайкой и демонстрировал удаль наездника – все норовил налететь на отца и его мерина на своем скакуне, смять, напугать. Но отец был крепок – как только ему это надоело, ухватил князька за шиворот и сдернул с коня, как куклу, только сапожки со шпорами мелькнули. Уронил князя, и тут же с местными установился мир, и принимали русских киргизы в своем аиле долго и обильно. А в науку шагнул отец так легко и естественно, что могло показаться, что из потомственных интеллигентов, людей научного круга. И мне, конечно, другого пути в жизни он не оставил своим примером. Я с ним, знаете, много, где побывал. Более всего запомнилась поездка на Байкал, где батенька занимался изысканиями под Кругобайкальскую железную дорогу Транссибирской магистрали. Тогда я закончил гимназию и уже готовился в университет. А уж увидев Байкал, тайгу Сибири, горные отроги Саян, я не мог принять иного решения, как идти в геологию. Тут, правда, еще и маменька моя, Екатерина Павловна, способствовала. Она ведь тоже из семьи горняков и геологов. Дядя мой по матушке в то время был директором Горного института. Так что выбора мне не оставили – ступай, сказали, в Горный на геологию, о чем я, конечно, не сожалею и сделал это абсолютно осознанно. А что касательно академика Обручева, так я его хорошо знаю – он часто у нас бывал в свою бытность студентом и аспирантом у папы. Я даже думал по молодости лет, что он наша родня. А когда мне объяснили, что он папин аспирант, так я несколько даже огорчился – считал его своим дядей.

– Дмитрий Иванович, а вы читали его книжку, что вышла совсем недавно, «Земля Санникова»? Вот ведь феномен какой – взялся писать художественную литературу наш академик.

– Конечно! У меня и подписанный экземпляр имеется лично от Владимира Афанасьевича. Он к нам заходит всегда, когда бывает в Петербурге. Ну, опять я увлекся, конечно, в Ленинграде. Как вспомню старые добрые времена, перехожу на прежнее название города нашего. Что тут скажешь, книжка занятная, но понятно, от чего она появилась. С одной стороны, талант великий у Обручева. Такой, знаете, широченный спектр знаний и интересов, а с другой, в профессии его несколько поджимают, не дают разворота. Все поминают власти старые времена, его связи с геологами за рубежом, знание иностранных языков и бог что еще. А интеллект ищет выхода для реализации, и, нужно сказать, вышел далеко не худший вариант применения знаний и стремлений. Книга зовет в даль светлую, за горизонт, призывает совершать поступки большие, героические, преодолевать трудности. Это, конечно, все от геологии, от обостренных чувств экспедиций, от желания делать открытия, от воздуха огромных пространств, когда ветер и солнце в лицо, а впереди ширь необъятная и неведомая.

– Тут, я думаю, и батенька ваш поспособствовал своим примером, шутка ли, известный путешественник, один из немногих, кто золотую Константиновскую медаль Географического императорского общества получил наряду с величайшими первопроходцами мира.

– Не поспоришь. Я вот тоже все рвусь на примере отца уйти в экспедицию – Сибирь зовет. Но беда – дела плотно держат. Теперь ученый в геологии больше на чиновника похож: такая порой бюрократия заедает.

– И то верно: с вашей-то активностью и занятостью.

Немногочисленная команда русских прибыла к африканскому берегу на пароходе *Queen Mary*. Пароход вышел из порта Марселя, в который ученые прибыли из Москвы накануне отплытия поездом. Погуляв по набережной, запечатлелись на фото у местного фотографа с попугаем на плече и, успев осмотреть старинный район города Ле Панье, собор Нотр-Дам-де-

ла-Гард, отправились далее. Морской маршрут пролегал через Суэцкий канал и уже по Индийскому океану до Дурбана. Конгресс было намечено провести в Претории, но обязательно планировалась поездка и в Кимберли, чтобы на месте проводимых работ геологи, прибывшие на конгресс, могли увидеть крупнейшее месторождение алмазов в мире.

«Большая дыра» – такое неблагозвучное название получил карьер, отработка которого еще не завершилась, хотя продолжалась уже несколько десятков лет. Многочисленные участники алмазной лихорадки извлекли из глубин карьера самым примитивным и тяжелейшим способом – на своих плечах, десятки миллионов тонн дробленого грунта и камня, что позволило предъявить миру две тонны алмазов, среди которых один из крупнейших в мире кристалл чайного цвета *De Beers* (428,5 карата), а также красивейшие алмазы – голубовато-белый *Porter-Rods* (150 карат), оранжево-желтый *Tiffani* (128,5 карата).

Простой расчет показывал, что на единицу веса алмазного сырья приходилось извлекать десять миллионов единиц горной породы.

На конгрессе советские геологи планировали обменяться с коллегами из зарубежья опытом поисковых работ алмазов в своем регионе, преимущественно на Урале. Основной же задачей было намерение познакомиться с геологией африканских месторождений, а также с уникальным опытом добычи алмазов из глубокого, как вход в преисподнюю, карьера.

В Советском Союзе совсем недавно по решению партийного съезда началась программа индустриализации и стартовала первая пятилетка ускоренного развития. Добыча алмазов в СССР практически не велась, и только лишь на Урале обрабатывались небогатые золотоносные россыпи, в которых находили некоторое незначительное количество алмазов, совершенно недостаточных для растущей промышленности. А алмазы были нужны, и приходилось тратить золото и добытую с трудом валюту для приобретения алмазов на внешних рынках. Отыскать коренные месторождения на Урале пока не удавалось, хотя такие работы периодически пытались организовать еще до Первой мировой войны. Советские геологи наметили продолжение поисковых работ и в острых дискуссиях пытались найти ответы на волнующие их вопросы: где и каким образом вести поиски алмазов. Именно по этой причине поездка в Южную Африку была крайне важна и одобрена Правительством, а Мушкетов и Федоровский, как два наиболее авторитетных геолога с обширными зарубежными связями, направлялись в далекую страну для поиска ответов на поставленные вопросы. От результатов поездки могло зависеть, в каком направлении следует вести широкомасштабные поисковые и геологоразведочные работы. По этому поводу не утихали споры в и кабинетах Геологического комитета, и в институтах в Москве и Ленинграде, где были сосредоточены основные геологические умы разворачивающей свои могучие производственные силы страны.

В порту советских геологов встречали знакомый Федоровского геолог из Англии Артур Вильямс со своим слугой из местных.

Вильямс слыл известным специалистом по алмазам Африки. Уже полтора десятка лет англичанин проживал в Кейптауне и взял за правило проводить здесь международные семинары и конференции для геологов из различных уголков планеты, подыскивая спонсоров из наиболее удачливых добытчиков алмазов. Чаще всего в качестве заинтересованного партнера выступал ревнивый ко всему, что связано с алмазами, *De Beers*. Работа нынешнего конгресса была посвящена особенностям россыпных залежей алмазов и выявлению коренных источников их происхождения. Вильямс был одержим месторождениями алмазов, знал об этом необыкновенном минерале практически все и, затеяв конференции, добывал самую свежую информацию от коллег из разных научных школ и уголков мира. В планах Вильямса был фундаментальный научный труд по геологии алмазных месторождений под названием «Происхождение алмазов», и тематика конгресса способствовала накоплению актуального материала.

Вильямс – светлолицый блондин, выглядел моложавым, с пытливым взглядом, и ему можно было дать лет пятьдесят от роду, хотя на самом деле он уже уверенно перешагнул воз-

растной рубеж в шестьдесят лет. На нем был одет твидовый костюм коричневого цвета в клетку и широкополая светлая шляпа.

Увидев на трапе корабля Федоровского, Вильямс прокричал приветствие и помахал своей шляпой, обозначая себя в толпе:

– Hi! Welcome to Africa, mister Fedorovskiy!

– O! Hello, Вильямс, – откликнулся на приветствие Федоровский, семена под тяжестью груза по крутому трапу с парохода на причал: трап слегка раскачивался и спускаться с грузом было непросто.

Федоровский наконец спустился на твердую землю и почувствовал вдруг, как его качало на ровном покрытии причала. Вильямс, вероятно, ждал этого эффекта и, наблюдая за Федоровским, расхохотался:

– Что, господин академик, земля не тверда под ногами?!

Федоровский, впервые ощутив эффект качки, когда с палубы корабля после длительного плавания ступаешь на земную твердь, остановился и опустил на землю тяжелый баул, затем чемодан и растерянно огляделся. По трапу следом спускался профессор Мушкетов, и ему было проще – он был налегке, с одним вместительным саквояжем и ловко сбегал вниз, оглядывая встречающих на причале.

– Знакомьтесь, Вильямс, это профессор Дмитрий Мушкетов, в настоящий момент профессор университета, а совсем еще недавно директор Геологического комитета при правительстве. Теперь Дмитрий Иванович мой содокладчик по алмазам Урала.

– О, Мушкетов! Я изучал ваши материалы по геологии и нахожу их чрезвычайно добротными, – вежливо улыбаясь, высказался Вильямс, припоминая попавшуюся ему статью о находках алмазов в России и особенностях геологического строения Урала.

Слугу Вильямса звали Эйван. Это был взрослый мужчина, он стоял в сторонке и с любопытством подростка внимательно наблюдал за происходящим, оглядывая явно настороженно прибывших из далекой холодной России людей. Это был молодой еще африканец, с курчавой коротко стриженной головой и большими яркими глазами на темном лице. Эйван был одет в парусиновые выцветшие штаны и легкую поношенную рубаху, в сандалетах на босу ногу. Слуга держался почтительно на расстоянии, улыбался и кланялся всем прибывшим, как только они ступали на причал. Отметив, что мистер Вильямс встретил своего знакомого, Эйван радостно закивал Федоровскому, обнажив ровный сверкающий ряд белых зубов на фоне совершенно темного лица. Федоровский, отметив внимание африканца к нему, шагнул к Эйвану и протянул ему для приветствия руку. На лице слуги отразился неподдельный испуг, и он с опаской глянул в сторону Вильямса. Англичанин, только что мило беседовавший с прибывшими, сверкнул грозно в сторону африканца глазами и что-то проговорил на непонятном диалекте с угрозой в голосе, давая понять, чтобы малый убрался с глаз долой. Эйван опустил глаза и, пятясь, отступил в тень высокого дерева.

– Вы с ними поостроже, без панибратства, мистер Федоровский. Разбалуете мне слугу. Если не быть строгими и каждодневно не бить черных по пяткам хлыстом, тут же садятся на шею и ленятся так, что трудно становится их заставить что-то делать.

Федоровский несколько смутился и отошел от Эйвана.

Конференция шумела два полноценных рабочих дня: ученые спорили, делились мнениями и во время официальных сообщений, и в кулуарах за рюмкой бренди или виски.

Мушкетова избрали вице-председателем конгресса, и это была высокая честь, оказанная представителю отечественной геологической науки.

Федоровский и Мушкетов, сменяя друг друга, изложили результаты поисковых работ и констатировали, что коренного месторождения пока не обнаружено в перспективных районах Урала, и это несмотря на то, что добыча алмазов ведется издавна. Тут же в дискуссию включи-

лись зарубежные коллеги и отметили, что уральские алмазы очень красивы и высоко ценятся у коллекционеров. Другие добавили, что цену русским алмазам добавляет именно малое число добытых ювелирных камней. Что же касается коренных мест происхождения уральских алмазов, то здесь, скорее всего, следует учитывать высокую складчатость местности и наличие горной гряды. Вероятно, рассуждали ученые, трубки взрыва с кимберлитовыми гипербазитами просто перемяло и опрокинуло в период формирования Уральских гор, а значит, найти месторождения, скорее всего, не удастся.

– А с чего вы взяли, что алмазы Урала имеют кимберлитовую природу? – возражали, горячась, другие геологи, приводя аргументы, что пока нет ни единого факта присутствия кимберлита в этом горном районе.

Им вторили третьи, утверждая, что найти кимберлиты – достаточно слабые породы – уже не представляется возможным:

– Материнские породы месторождений алмазов просто разрушились в процессе горообразования и последующего выветривания, а кимберлиты, если они и имеются, то спрятаны достаточно глубоко под горными складками без выхода на поверхность.

В общем, после шумной научной дискуссии многие, казалось, вполне ясные до обсуждения проблемы приобрели характер еще более запутанных.

После конференции, на которой присутствовало несколько известных ученых-геологов из разных мест планеты, всю компанию повезли на карьер в Кимберли. С утра участники конгресса расселись на удобных мягких лавках со спинками в открытом кузове нанятого грузовика под выгоревшем на солнце тентом. В дороге ветер обдувал живо беседующих между собой участников конгресса, одетых живописно и вполне по-походному, и было всем вполне комфортно – не жарко и свежо под напором встречного воздушного потока.

Дорога вилась по ровной, как стол, саванне, а вокруг открывались дальние виды, гнездилища шумных птиц, и порой приходилось останавливаться, чтобы пропустить бредущее через дорогу стадо свободно перемещающихся животных. Так добрались до Кимберли.

«Большая дыра» располагалась вблизи города. У самого края карьера лепились бесконечные лачуги простого люда. Домишки, крытые камышом и соломой, наспех обмазанные глиной поверх стен из хвороста, выглядели крайне убого, но было понятно, что в таком жилище люди рождались и умирали, прожив жизнь в ритме отработки «Большой дыры». Ученые-геологи направились через узкие улочки поселка с неказистыми, слепившимися между собой домами, вдоль сточных канав, мимо людей, чей вид выдавал крайнюю нужду. Группа ученых двигалась мимо голодных ребятишек, что копошились, играя возле жилищ, порой галдели, решая свои детские вопросы, и замолкали при виде группы добротной одетых белых господ. Некоторые из детей, наиболее бойкие, тут вскакивали и, осмелев, бежали следом, попрошайничая. Наиболее сердобольные стали одаривать мальчиков и увязавшихся за ними девочек кусочками шоколада и мелкими монетами, и скоро хвост из желающих получить приз за настойчивость вырос невероятно, а окончательно осмелевшие дети уже не давали прохода без какой-либо подачки, забегая вперед.

Вильямс тут же вмешался в развитие ситуации и попросил сочувствующих не оказывать знаков внимания, а быстрее и увереннее идти к цели их экскурсии. Сокрушенно покачав головой, все согласилось с Вильямсом и теперь, уже не обращая внимание на попрошаек, решительно направились вслед за ним.

У неказистого домишки, сколоченного из грязных досок, у входа сидел седой изможденный человек с непокрытой головой, хотя солнце уже палило нещадно. Седые короткие курчавые волосы не прикрывали черноты головы, лицо было темным практически до сажки, и даже белки глаз, казалось, от времени также потемнели. Перед ним на земле была расстелена тряпица и разложены старые предметы утвари. Федоровский оглядел скудный набор товара и отметил цветную железную банку, в которой, возможно, когда-то были леденцы-монпан-

сье, но теперь сверкали темные, как сгустки крови, камни-зерна самого различного размера, несколько зеленых минералов и камешки-кристаллы более светлого оттенка.

– Что это? – оживился Федоровский, заинтересованно разглядывая минералы.

– *Diamant, diamant*, – забубнил, шамкая беззубым ртом старик, в то же время придерживая настороженно банку темной своей изуродованной рукой-культей, на которой не было пальцев, и с опаской снизу-вверх несколько затравленно поглядывая на Федоровского.

– Мистер Вильямс, что это за минералы? Не пиропы ли? – обратился Федоровский к англичанину.

– Похоже, что пиропы или, иначе говоря, гранаты. Зеленые – оливины, а те светлые, скорее всего, подделка под алмаз – стекло или кварц, возможно кальцит. Местные на этом зарабатывают, обманывая приезжих, ведь многие совершенно ничего не понимают в минералах.

– Пожалуй, я куплю пиропы и оливины, мне они нужны для коллекции. Как вы считаете, Вильямс, стоит того?

– Если вам не жаль денег, берите, только думаю, вы сильно переплатите, господин Федоровский. Я вам готов по приезду выделить некоторое количество образцов оливина. Граната у меня нет. Берите, ведь, если глянуть иначе, как бы, с другой стороны, такая покупка может быть памятной для вас, да и образцы лишними не будут. Эти камни отсюда из карьера подняты, так сказать, с места событий.

– Ладно, как говорится, коли богато не жили, не стоит и начинать. У меня еще несколько фунтов осталось да шиллинги еще есть, надеюсь, на что-то хватит.

Федоровский присел рядом со стариком и протянул ему деньги, показывая рукой, что готов купить некоторые из камней. Старик осторожно оглядел белых господ, протянул банку и, не выпуская ее из рук, предложил взять камни, которыми заинтересовался иностранец. Федоровский аккуратно выбрал из банки несколько крупных темно-алых и пурпурных пиропов, оливинов и протянул африканцу фунт стерлингов. Тот живо забрал деньги и спрятал их в складках одежды.

– Ну, ты, брат, похоже, крепко переплатил, – отметил Мушкетов, оглядев камни в ладони Федоровского.

– Дмитрий Иванович, это бесценные поисковые минералы из карьера пока единственного месторождения алмазов. Я думаю, покупка их будет полезной. В конце концов, деньги нам выделило государство, и потратим мы их на его нужды. Вот скоро уедем – и с чем мы вернемся? С рассказами о том, как жарко в Африке и какую глубокую яму тут вырыли охотники за алмазами?

– Николай Михайлович, ради всех святых, не кипятитесь, я не против, если вы потратите свою валюту на минералы. Узнаю бескорыстие ученого собрата. Я вот тоже прикупил кое-какого материала, – Мушкетов, по-заговорщицки таясь, показал Федоровскому образец зеленоватого с темными включениями кимберлита, размером не более коробка спичек, в котором светились две-три мелкие, не более доли миллиметра, алмазные крошки, словно запаянные в породе осколки звезды.

– Это вы где такой отхватили? – оживился Федоровский, вспомнив, как поотстал от них по приезду в Кимберли Мушкетов, зная, приглядел уличного продавца и долго приценивался к товару.

– Продавал негр там на площади. Все прошли, а я огляделся и к нему подошел. Едва сторговался за три фунта, последнее отдал. Смотрите, тут вот оливин виден и алмазы, но очень мелкие, просто точки. Чудо просто какое-то!

Как только участники конгресса свернули за проулок, разверзся ступенями борт гигантского карьера. Как поведал ученым Вильямс, пятьдесят тысяч человек рыли его несколько десятилетий мотыгами и лопатами без выходных, только с перерывами на молитву и еду, без всяких механизмов и мер безопасности. Многие годы поколение за поколением африканцев

тягали миллионы кубометров грунта на своих руках в плетеных корзинах и в повозках на буйволах из глубочайшей ямы мира, стараясь хоть как-то прокормить свои семьи: мало кому повезло здесь разбогатеть. Гораздо большее число рабочих – каждый десятый – остались здесь навсегда: кто-то сорвался вниз, влекомый тяжким бременем горной породы на своих плечах, другие умерли от истощения, от травм, болезней, эпидемий холеры. А добыли эти люди, по большей части оставшись нищими, всего-то какие-то сотни, может, тысячи фунтов алмазов. От объема вынутой из глубин земли грунта это лишь сто или тысяча миллионная часть. А из добытых алмазов только десятый был камнем ювелирного качества. В общем, это безумие, конечно – алмазная лихорадка. Столько потрачено жизней и усилий ради камней, которые могут быть совершенно бесполезными с практической стороны и совсем мало дают для прогресса здешнего народа и самой провинции.

Устремленная в глубину котловина необъятных размеров напомнила Федоровскому пирамиды Египта, выстроенные наоборот – в глубину недр. Аналогия возникала и от размеров карьера, и того невероятного напряжения сил и многолюдья при их строительстве. Но пирамиды, по крайней мере, стремились ввысь, к звездам, возвышая дух человека, решая, скорее, духовную задачу. Здесь же стремление в глубину темного неосвоенного пространства рождало неуверенность и даже страх, убивало всяческие возвышенные стремления и создавало реальную опасность для всего живого. Остановившись у борта уходящего вниз карьера, Федоровский толкнул ногой, нечаянно оступившись, булыжник, что когда-то, вероятно, выворотили из массива тяжелым кайлом, но оставили за ненадобностью у дороги. Камень полетел вниз, набирая ход, ударяясь об уступы, и, наконец, где-то далеко остановился, успокоился и затих.

– Осторожно, господа! Будьте аккуратнее на краю карьера и не создавайте камнепад: внизу могут быть люди. И сами, прошу вас, осторожнее, не оступитесь, – обратился ко всем Вильямс.

Федоровского интересовали образцы материнской породы, той основы, плоти – кимберлита, в котором находили алмазы. Спустившись по тропе на первую ступень карьерного серпантина, Федоровский отметил отвалы, в которых встречалась порода, так схожая с кимберлитом. Он взял несколько увесистых камней зеленоватого цвета и уложил в сумку. Самое известное место добычи алмазов увлекло Федоровского, и он стал спускаться вниз, пытаясь рассмотреть на бортах карьера следы геологических эпох. Федоровский впервые видел столь мощное коренное обнажение горных пород, в которых когда-то миллионы лет назад образовались редкие по твердости и красоте камни.

– Мистер Федоровский, – позвал его Вильямс, – я приготовил для вас несколько образцов кимберлита. Как только вернемся из поездки, я вам их готов передать за небольшую плату. Здесь же вы, скорее всего, ничего интересного не найдете, – немного нервно отозвался Вильямс, наблюдая за стараниями упрямого русского ученого.

– Спасибо вам, коллега, это неоценимая услуга с вашей стороны. Я смогу показывать студентам на лекциях и коллегам образцы, которые ведут к коренным месторождениям алмазов и подняты в самом знаменитом карьере мира. Лишними не будут и ваши образцы.

Уловив раздражение англичанина, Федоровский решил переключить его внимание и задал вопрос, продолжая начатую дискуссию на конгрессе:

– Как вы полагаете, мистер Вильямс, каковы перспективы открытия алмазных месторождений в СССР?

– Я недостаточно знаю геологию многих регионов вашей огромной страны, но мне представляется, что перспективы есть на Сибирской платформе. Именно на этих плоскогорьях можно отметить схожие условия с геологией Южной Африки. Также возраст этой платформы примерно тот же, что и африканской. Я был крайне удивлен, когда в Париже, в музее естественной истории, вдруг обнаружил скелет мамонта, привезенный из Якутии. Это значит, что на этих стылых землях когда-то было так же жарко, как и в Африке. Что же касается Урала, где

найжены и в настоящем добываются русские алмазы, то я сомневаюсь в успехе поиска в этом районе. Все же известные алмазные месторождения мало связаны с горной складчатостью – в горах алмазы находят крайне редко. Единственное, что приходит мне в голову, так это то, что алмазоносные трубки образовались до формирования Уральской складчатости и теперь смяты и глубоко упрятаны в отрогах горного хребта. В этом случае надежд их отыскать очень мало. Мы об этом уже говорили на конгрессе.

– Интересная иллюстрация схожести Африки и Якутии, уважаемый Вильямс. Мамонты, а еще носороги и другие древние животные действительно жили в Якутии и на севере Сибири в давние времена, чему есть масса свидетельств. В Ленинграде в Зоологическом музее, что возник на базе знаменитой петровской Кунсткамеры, что на Стрелке Васильевского острова, стоит издавна огромный скелет мамонта. Имеются в музее и другие ископаемые останки из Сибири. Этот год для русских алмазов, можно сказать, юбилейный: ровно сто лет назад был найден первый алмаз на Урале. Но за сто лет мало что изменилось в направлении поисков месторождения. А на россыпях добыто не более трехсот камней, и все они найдены старателями на золото и платину. Своей школы специалистов по алмазам у нас, уважаемый Вильямс, нет пока, а на местах применяется часто совершенно дикая практика распознавания алмаза в случае находки. Представляете, найденный камень кладут на наковальню или каменную плиту и наносят удар молотом, полагая, что если сверкающий камешек не разобьется, то это алмаз, а коли расколется, то просто стекло или кварц. Этот дичайший способ говорит о полном отсутствии понимания и малейших знаний о таком минерале, как алмаз. Я уже не говорю о науке по геологии алмазов, условиях их образования.

– Дикая, нужно сказать, практика от невежества, с коей я столкнулся сам на Урале, – вмешался в разговор Мушкетов. – Пытались объяснить рабочим и служащим приисков, что алмаз царапает любое стекло и даже кварц, и этого достаточно, чтобы определить подлинность минерала. Но, увы, выбить из головы такую дурь так до сих пор не удалось. Это уж такое свойство нашего, в общем, довольно сообразительного народа: как вобьют себе в голову какую идею – не вышибешь. Я был на Урале несколько лет назад, и привезли меня к старателям в долину речки Атиг, и как раз перед моим приездом подняли старатели алмаз со спичечную головку. Разбили его при мне в прах, я сначала ничего не понял и не успел помешать сей творимой глупости. Но, пока я там был, как раз нашли еще один камень и уже тоже готовились проверять на соответствие алмазу подобным образом. Едва отбил у старателей камешек. Ругался, грозил, и это при том, что я тогда Геологический комитет возглавлял и был представлен как высокий начальник. А камень, который нашли, изъязл-таки под расписку, привез и проверил в лаборатории, хотя сразу понимал, что это алмаз. Оказалось, хороший прозрачный камень стоимостью в несколько тысяч рублей.

– Вот такой уровень у нас пока понимания геологии и свойств алмазного сырья в тех местах, где порой находят алмазы. Интересно вот, сколько уральских алмазов утеряно при таком методе «диагностики»? – вступил в разговор Федоровский, качая головой.

– Да, эта история мне напоминает ситуацию с дремучей инквизицией, помните, Вильямс? – продолжил Мушкетов, – это когда пытались узнать, ведьма та или иная женщина. Для проверки ее непременно бросали в глубокий омут и ждали: коли утонет – значит чиста, вовсе не ведьма, а вот если выплывет, то однозначно ведьма, и ее следует добить. В любом случае при подобных испытаниях и алмаз, и подозрительная для инквизиции женщина абсолютно обречены.

– Мистер Мушкетов, это сравнение очень жесткое и верное. А скажите, какие в России представления о геологии месторождений алмазов? Я так понимаю, что если есть алмазы в россыпях, то нужно искать те места на ваших обширных площадях, где эти алмазы образовались? – обратился к спутникам Вильямс и продолжил, несколько понизив голос и напустив на лицо таинственности:

– Я так понимаю, вы изложили в докладе реальное положение дел, но совершенно не коснулись геологических условий образования алмазов в России. Наверное, это секрет? Большевики любят секреты.

– С этим ясности нет. Крупных исследований не проводилось. Еще в 1914 году прииски на Урале посетил наше нынешнее светило в области минералогии – академик Ферсман. Он высказался крайне осторожно, заметив, что источником алмазов могут быть как песчаники, так и другие, в том числе изверженные, магматические породы.

– Каков мудрец ваш академик: всем мальчикам по конфетке или, как говорят, я слышал ранее, всем сестрам по серьгам. Он угодил всем. Но мне кажется, что иное происхождение алмазов, в отличие от африканских, вряд ли возможно, хотя ходят какие-то слухи о находках алмазов в Америке, Австралии, и считается, что у них иное происхождение. Вот я и интересуюсь – может быть, в России тоже имеются подобные примеры. Но дело в том, что для образования алмазов нужны несколько обязательных сопутствующих условий, и эти условия связаны с трубками взрыва и породами особого состава. Это установленная наукой истина, и иного пока знания у нас нет.

– С вами можно согласиться, и я готов это сделать, – ответил англичанину Федоровский, улыбнувшись, и, коротко задумавшись, продолжил:

– Нам нужно как можно скорее собрать реальные факты о геологии алмазных месторождений, выстроить поисковые признаки, выучить несколько десятков молодых геологов и тогда уже приступить к поискам алмазов. А то, что алмазы в России имеются, я не сомневаюсь. У нас на уровне правительства поставлена задача начинать работы по масштабным поискам месторождений алмазов, и при достаточно скудных средствах нужно решать: куда направить силы для поиска месторождений. И здесь мнения делятся: то ли продолжать искать на Урале, несмотря на безуспешные более ранние поиски, или работы направить в другие места. Под другими местами чаще всего называют Сибирь, где имеются интересные, огромные и совершенно малоизученные площади ультраосновных горных пород, так похожих на африканские, где и найдены алмазные трубки. А среди наших ученых, после того как коренные месторождения не нашли на Урале, при наличии алмазов в россыпях, стали популярны мнение и идея о том, что алмазы образовались в изверженных вулканических горных породах – туффитах. По этому поводу я уже высказывался в печати, что все разговоры и скороспелые публикации об алмазоносных туффитах на Урале не более чем наивная попытка не обремененных знаниями и опытом геологов выдать желаемое за действительное. А это делается порой вполне корыстно для привлечения внимания к хорошо изученным россыпным объектам на этой горной территории. Мы же должны пытаться наладить геологические поиски и в других местах, и прежде всего в Сибири, отправиться и в Якутию, где имеются более подходящие условия для появления алмазоносных трубок, хотя там много и таких мест, где в изобилии имеются и туффиты. Вот, например, описаны геологами такие места как на плато Путорана у Ледовитого океана. Это обширнейшая, малоизученная и невероятная по геологии территория с выходами на поверхность огромных по размеру изверженных пород вулканического происхождения.

– Все верно, Дмитрий Иванович? – повернувшись к отставшему Мушкетову, обратился Федоровский.

Мушкетов, услышав призыв, закивал головой, погруженный в то же время в свои мысли. Федоровский усмехнулся, помня горячий спор в поезде о том, как и где следует начинать поисковые работы на огромных пространствах в Якутии и Восточной Сибири, и продолжил:

– Вот за эту идею – поиски алмазов на перспективных площадях в Сибири – и придется нам побороться после возвращения из Африки, дорогой Вильямс. А нас ждут, я думаю, серьезные споры и противостояние. Есть неуступчивые противники проведения работ в Сибири. Они считают, что алмазы следует искать и добывать только на Урале.

Вильямс, слушая Федоровского, молча кивнул и подумал, что в настоящее время в России имеются огромные государственные ресурсы для решения самых дорогостоящих проектов, но, похоже, нет единого мнения у ученых и отсутствует понимание, как такие проекты стоит выполнять.

Продвигаясь вдоль края карьера, в котором непрерывно что-то производилось, двигались повозки и тяжело груженные люди, Федоровский, Вильямс и еще несколько ученых отошли от поселка в сторону простирающейся саванны. Вдруг у большого камня Федоровский увидел лисицу с большими, словно лопушки, ушами на остроносой головке с горящими черными глазами.

– Смотрите, лиса, – потянул за руку Федоровский Вильямса, показывая кивком головы в сторону камня.

– О! Это фенек – африканская лисица. Интересна тем, что роет очень глубокие норы для своих детенышей, и частенько здесь в окрестностях африканцы находят алмазы возле нор в грунте, что эти проворные животные выкапывают из глубины. Лисиц фенек здесь не обижают, а наоборот, прикармливают и охраняют. Вообще считается, что лисица приносит удачу и встреча с ней сулит находку богатой россыпи ювелирных камней. Встречаются эти симпатичные зверьки в различных уголках Африки, особо много их обитает в пустыне Марокко.

НАУЧНЫЙ ДИСПУТ КАК СПОСОБ УСТРАНИТЬ ОППОНЕНТОВ

После конгресса в Южной Африке вернувшиеся Мушкетов и Федоровский взялись готовить отчет и статьи в журналы о перспективах поисковых работ алмазных месторождений в Советском Союзе. Руководство реорганизованного Главного геологоразведочного комитета после обширной пояснительной записки от ученых направило материалы в созданный накануне ЦНИГРИ, – организацию которой надлежало проводить основные работы по поискам и разведке полезных ископаемых, среди которых алмазы занимали далеко не основное, но в перспективе должны были занять достойное, место.

По-прежнему в стране не хватало специалистов, и приходилось готовить будущих алмазников, занимаясь дополнительно со студентами старших курсов. Именно этим теперь был озабочен Мушкетов и организовал в Ленинградском университете научную лабораторию по алмазным месторождениям, где могли получить дополнительную специализацию студенты и пройти стажировку уже дипломированные геологи. Дело двигалось споро, и в этом помогали полученные в Африке коллекции минералов и кимберлита.

После поездки в Африку Федоровский подготовил ряд публикаций, в которых представил свое видение перспектив открытия алмазных провинций в СССР. Все свои статьи Федоровский готовил тщательно, понимая, что от научно обоснованных аргументов зависит планирование работ по поискам алмазов, а значит, и перспективы открытия месторождений.

Используя полученные от Бреди материалы и представив описание образцов из Кимберли, Федоровский подчеркивал перспективы поисковых работ на алмазы в Восточной Сибири и Якутии, указывая на ряд сходных признаков геологии северных территорий с африканскими. Опираясь на доклады участников конгресса, Федоровский в статьях указывал, что кимберлитовые дайки и трубки взрыва, подобные африканским, приурочены к щитам древних платформ земной коры, но именно к тем их участкам, где толщина этих платформ составляет два-три десятка километров. Именно с глубины от двух десятков километров к поверхности устремляются расплавы будущих ультраосновных горных пород, которые в особых условиях способны формировать кимберлит. В кимберлите могут быть выделены минералы типа оливина, дающего зеленый цвет породе, вкрапления пироба розового или кровавого цвета, а также ильмениты и редкие алмазы. Такие благоприятные для формирования алмазных месторождений условия могли возникнуть в северо-восточном регионе страны на Сибирской платформе.

Публикации в академическом журнале, в котором Федоровский занимал пост ответственного редактора, вызвали интерес и всколыхнули геологические круги, связанные с алмазным сырьем. Проблема состояла в том, что группа производителей, занятых организацией добычи алмазов на Урале, несмотря на скудность добываемого на уральских промыслах сырья, упорно придерживались мнения, что алмазы из здешних россыпей образуются совершенно иначе, не так, как в Африке. При этом в дискуссиях в поддержку этого тезиса выдвигался, собственно, единственный аргумент, который звучал просто и убедительно: кимберлитовых трубок с алмазами на Урале не нашли, а значит, их там нет. Сторонникам такой линии вторили более ретивые и политически настороженные: зарубежный опыт не только не верен, но и опасен, поскольку мешает правильно искать месторождения, сбивает с верного пути отечественных геологов.

Тем не менее, под напором все более значимых аргументов теория происхождения алмазов в кимберлитах становилась все более известной и популярной. Появились новые сторонники этой теории, которые строили предположения и стратегии поиска алмазов в Сибири.

Арсений Баров, отвечающий за добычу алмазов на Урале, понимал, что от принятых решений будет зависеть дальнейшее финансирование его предприятий, и выступил на заседании геологического управления с предложением провести конференцию по перспективам поиска алмазных месторождений, чтобы в открытую обсудить планы дальнейших работ. При этом Баров втайне вынашивал мысль дать отпор тем, кто проводил линию поиска алмазов вне Уральского хребта, используя то, что позиция его противников не до конца укрепилась.

Арсений Баров был из нового поколения геологов. Арсений вырос на Урале и с малых лет был окружен людьми, занятыми горным промыслом, поэтому вопрос о том, чем заниматься в жизни, перед ним не стоял. Открыв для себя мир минералов, геологических процессов и усвоив, что для развития страны нужны самые различные полезные ископаемые, Арсений со всей пылкостью увлеченного делом человека взялся реализовывать поставленные задачи. С теоретической подготовкой у Барова было не столь хорошо, как того требовало дело: наспех освоив программу гимназии, Баров со старанием взялся за курс геологии, но окончить его, основательно разобравшись в тонкостях геологических процессов, ему не довелось – помешала грянувшая мировая, а следом и гражданская война. Когда кровавая междоусобица всероссийского масштаба с участием иностранных сил улеглась, учиться стали уже на практике, реализуя планы восстановления порушенной страны. И именно в это время сноровистый молодой человек выдвинулся как активный организатор производства и проводник решения партийных задач.

В 1937 году кризис между теми, кто продвигал линию происхождения алмазов из кимберлитов и предлагал вести работы по поиску алмазов в Сибири и Якутии, и теми, кто по-прежнему настаивал на перспективах уральских алмазов, достиг критической точки. Появились публикации в центральной прессе с различными вариантами решения данного вопроса, в которых порой звучали упреки в незаслуженном почитании зарубежных методов в геологии. По мере того, как ситуация накалялась, в публикациях зазвучали нотки политической истерии, прямые обвинения в преклонении перед буржуазными теоретиками, неоправданном космополитизме. Все стало походить на спланированную кампанию по очернению группы ученых и предлагаемой ими теории, что сводило на нет разумность научного подхода.

Так выходило, что сторонники происхождения алмазов из кимберлитов, по теории африканских трубок взрыва, в основном представляли университет и геологический институт ВСЕГЕИ в Ленинграде. Именно геологи из данных организаций чаще всего попадали под огонь критики. К этой группе ученых примыкал и Федоровский, возглавлявший в это время созданный им институт минерального сырья в Москве.

На Урале и в руководстве Геологического комитета страны придерживались иной версии происхождения алмазов, опираясь на опыт работ на Урале. Такой источник происхождения

алмазов как кимберлиты старались исключить из рассмотрения как отсутствующий в геологии Уральских гор. Арсений Баров стремился устранить конкурентов и выискивал для этого убедительные причины. В то же время, не имея научно обоснованных аргументов, Баров призывал к обсуждению предложений о расширении геолого-поисковых работ, рассчитывая, что группа геологов под руководством Мушкетова откроет «карты», в чем-то ошибется, и тогда можно будет официально предъявить обвинения и в конце концов устранить влияние ученых, уже кулуарно записанных во вредители.

Предварительный отчет об исследованиях был представлен помощником Мушкетова Соболевым в Госплан в начале 1937 года с предложением провести первые поисковые работы на Сибирской платформе. Прошло три месяца, и последовали оргвыводы, которые основывались на заявлениях сотрудников комитета геологии и отзывах геологов с Урала. Основной посыл в заключении, инициированный партийными органами, состоял в том, что авторы отчета стремятся увести направление поиска алмазов в ложную сторону и оставить страну без алмазного сырья.

Разбирательства между различными геологическими центрами страны, горячая полемика, обмен «уколами», привели к «сигналам» в компетентные органы и вскоре последовали первые аресты геологов, продвигавших африканскую кимберлитовую теорию происхождения алмазов.

Ранее всех арестовали Дмитрия Мушкетова, и эта весть ошеломила всех: казалось, повод для ареста крупного ученого-геолога не может быть связан с его работой, в которой ничего, кроме исследования геологических процессов, казалось, быть не могло. Но скоро выяснилось, что поводом для арестов послужили доносы, в которых ряд геологов, входящих в окружение Мушкетова, обвиняли в контрреволюционной террористической деятельности в составе организованной группы, сформировавшейся в период поездок ученых за рубеж для участия в геологических конгрессах.

Долго копившееся напряжение разрядилось стремительно, и градус научной полемики сразу сошел на нет.

Николай Федоровский тут же взялся прятать свою коллекцию пиропов и кимберлита, карты и материалы по геологии алмазов, понимая, что скоро, вероятно, придут и за ним. Ему удалось в подвалах института найти потаенные помещения и под видом проб с железорудного месторождения из-под Курска спрятать несколько пакетов с материалами, известив только тех, в ком был уверен.

Мушкетов и другие арестованные геологи были помещены в Бутырскую тюрьму, и началось длительное многоэтапное расследование, бесконечные, выматывающие силы унижительные допросы.

Из доносов, ставших источниками уголовных дел, следовало, что преступная организация была создана Мушкетовым в период его поездки в Южную Африку, и, соответственно, следуя логике расследования, все, кто входил в состав делегации, оказались под пристальным вниманием. Вскоре были арестованы многие из тех, кто сотрудничал в последние годы с Мушкетовым.

Новая сталинская конституция, принятая накануне, свободно переводила все проблемы в стране в плоскость классовой борьбы, и стоило высказать отличное от устраивающих всех мнение, как тут же подтягивали неоспоримый и часто совершенно бездоказательный аргумент о скрытых мотивах вредительства государству рабочих и крестьян. Среди таковых видели в первую очередь специалистов «из бывших», то есть получивших образование и служивших еще при царском режиме. В подавляющем своем большинстве это были образованные, опытные и преданные делу геологического развития страны люди.

Как известно, большие знания, широкое видение и понимание глубоких проблем рождает сомнения, казалось бы, порой в очевидном. Знающему многое о природе вещей, явле-

ниях, ученому приходится много сомневаться, ибо приходит понимание, что познание мира – процесс, не имеющий пределов и какого-либо четкого и тем более окончательного завершения. Оказавшиеся под арестом ученые много путались в показаниях, пытались излагать некие научные версии своей позиции, вариации идей, которые воспринимались следователями как попытки запутать следствие и уйти от ответственности. В результате накопились многочисленные противоречивые высказывания о природе алмазных месторождений, и к окончанию следствия формальных поводов найти виновных в деле, которого физически не существовало, накопилось достаточно.

В стране во время становления пролетарской науки молодая поросль советских ученых порой достаточно агрессивно расчищала свой путь, а за недостатком научных знаний наиболее беспринципные из них прибегали к системе подлога и доносов. Здесь нужно отметить, что подобное происходило и в иных многих направлениях научной работы. Показательным был разгром группы ученых-генетиков ВАСХНИЛ Николая Вавилова – известнейшего в мире ученого, человека выдающихся способностей, неутомимого экспериментатора, исследователя зерновых культур в десятках мест планеты. Вавилов стремился решить мировую проблему искоренения голода обильными урожаями улучшенных сортов зерновых, собрал уникальную коллекцию семян зерновых культур мира, а умер от физического истощения в одиночной камере в Саратовской тюрьме.

Всесоюзное геологическое совещание состоялось в канун октябрьских праздников. Праздничные мероприятия готовились с размахом, учитывая их юбилейный характер: в стране праздновали двадцать лет победы революции. Участники совещания тщательно готовились к полемике, ожидая жаркую схватку после представленного в Госплан отчета, в котором указывалось на необходимость развертывания поисковых работ на севере Сибири и Якутии.

Арсений Баров в противовес отчету группы Мушкетова, который в эти дни находился в тюрьме, представил обширную записку о состоянии изученности алмазоносности Урала. В записке подробно излагалась история находок алмазов, сделаны акценты на том, что только на Урале в настоящее время добываются редкие кристаллы. Этой добыче уже более ста лет, но каких-либо кимберлитов никто не видел! Таков был эмоциональный посыл записки Арсения Барова, а главный вывод представленного документа состоял в том, что если работы с Урала перевести в Сибирь, то страна совсем останется без ценного сырья. При этом было общеизвестно, что Урал давал на самом деле очень малое число алмазов, которого не хватало даже для удовлетворения ничтожно малых потребностей. Следуя модели ассоциации месторождений с магматическими формациями «уральского типа», ряд геологов продвигали теорию, что алмазы в СССР имеют иную природу происхождения, в сравнении с африканскими. Ориентировались на происхождение алмазов в процессе извержения горных пород из недр и с формированием трапповых интрузий. Поэтому при поисках алмазов авторами теории предлагалось ориентироваться на минералы трапповой ассоциации, а основными поисковыми признаками считали присутствие в пробах хромита и самородной платины.

Такая концепция одержала верх, не получив сопротивления, и продолжала развиваться до самого открытия якутских алмазов, затянув процесс поиска до середины пятидесятых годов.

Федоровский, как один из основных соавторов программы поисков алмазов по методике, основанной на поиске кимберлита, отсутствовал на совещании, хотя его доклад был заявлен и воспринимался как серьезный аргумент в научном споре.

За Николаем Федоровским пришли ночью в конце октября. Он был уже морально готов, поскольку знал о волне арестов, и темный кожаный саквояж с бельем и другой мелочью, столь нужной в тюрьме, стоял наготове в прихожей. Арест прошел буднично, если не учитывать столь позднее время. Скорые сборы и прощание с дочерью и женой уместились в несколько минут. Через час состоялся первый допрос, на котором молодой следователь с красноречивой фамилией Хват вкрадчиво сообщил Федоровскому, что заговор, который они готовили с группой

геологов, раскрыт, а их лидер Мушкетов во всем сознался. Вышагивая мимо сидящего у стола Федоровского, следователь методично излагал свою версию страшного преступления и то, что арестованный должен отвечать на вопросы честно и понести заслуженное наказание за измену.

Хват, молодой еще человек, явно с окраин полыхавшей после революционных событий империи, с болезненными от недосыпа и пьянства глазами, явно гордился собой: малообразованный еще вчера пацан из трущоб задавал академику, как ему казалось, умно поставленные вопросы:

– Гражданин Федоровский, вы не отрицаете того, что, выезжая в зарубежные поездки, на так называемые конгрессы, имели связь с представителями других стран?

– Не отрицаю. Общение и полемика – суть научной дискуссии.

– О чем вы говорили с зарубежными учеными, поступали ли от них предложения о сотрудничестве?

– Говорили о науке, а сотрудничество ограничивалось только лишь предложениями об обмене результатами исследований в порядке обсуждения.

– Обмен? То есть вы предлагали предоставлять информацию о состоянии дел в СССР?

– Нет, обмен научными результатами, диалог и полемика, не более того. Диалог – это один из вариантов поиска научной истины, гражданин следователь. Никакой запрещенной или закрытой информации я не предоставлял зарубежным коллегам.

– Странно. А вот ваш коллега Мушкетов уже все нам рассказал о том, что, будучи в Кейптауне, вы вовлекли его в группу с участием английского профессора Бреди, чтобы навредить отечественной геологии и пустить поиски алмазов в СССР по ложному пути.

– Извините, но это бред. Алмазы не могут появляться по чьей-либо прихоти. У природы свои объективные законы.

– Не смей хамить! У нас есть добытые на допросах факты о твоей, гнида, вражеской деятельности!

Арест главного наставника ленинградских геологов-алмазников Дмитрия Мушкетова, а затем и Николая Федоровского заранее определил результаты и основные выводы Всесоюзного совещания. Высказаться в поддержку африканской кимберлитовой теории никто не решился, и с трибуны звучали бодрые доклады об успехах отечественной геологии, о перспективах открытия алмазных месторождений на Урале, здравицы в адрес великого Сталина и родной коммунистической партии большевиков.

Арест Мушкетова и Федоровского оказался удобным для тех, кто перевел важную производственную и научную проблему в плоскость классовой борьбы. Оба ученых закончили университет и успели послужить науке до революции. Федоровский и Мушкетов были известны в научном мире, периодически выезжали за рубеж для участия в научных конференциях и конгрессах, где играли заметную роль. Этого всего было уже достаточно, чтобы видеть в них вероятных противников развития страны, людей, вынашивающих планы навредить и ослабить ее. Особенно выделялся, конечно, Мушкетов, как профессор-геолог из яркой династии и семьи горных инженеров прежней России, отметившийся на высоких должностях. Не преминули напомнить Мушкетову и о том, что его маменька Екатерина Павловна, в девичестве Иосса, происходила из известнейшей в Петербурге семьи потомственных горных инженеров из обрусевших немцев.

В феврале 1938 года многие арестованные профессора и ведущие в стране ученые-геологи были расстреляны в соответствии с приговором выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Исполнение приговора, следуя жестким революционным принципам, выполнили в тот же день в расстрельной комнате Бутырки, стены которой пропитаны кровью тысяч убитых здесь людей: апелляции от изменников Родины рассматривать было исключено.

Среди расстрелянных был и Дмитрий Иванович Мушкетов.

После расстрела Мушкетова о Федоровском как бы забыли, но весной, когда распускаются вслед за листвою все надежды и хочется верить в лучшее, ему огласили приговор. Измученный тюрьмой, долгими допросами и побоями, Николай Михайлович узнал о том, что осужден на пятнадцать лет лагерей без права переписки с последующей ссылкой на поселение. Тут же из Академии наук последовало решение об исключении его из состава членов научного сообщества как врага трудового народа.

За несколько лет лагерной отсидки Федоровского помотало от Воркуты до Красноярска. На всех этапах этого тяжелого пути быт и атмосфера пребывания были ужасающими. А с другой стороны, что мог ждать человек в заключении, осужденный как враг трудового народа? Тяжелый и часто совершенно бессмысленный физический труд, истощение, бесконечный холод и сырость, унижение и предчувствие смерти, которая ходила всегда рядом и скалилась пастями надрывающихся в безумном лае собак, издевками и провокациями охраны, непроходящими болезнями и недомоганием, когда, просыпаясь утром, не до конца уверен, жив ты или уже умер. А уловив, что все-таки жив, не радовался, а начинал скорбеть всей душой, ожидая новых тягот и унижений. Тяжко было все это переживать, и, хотя имеется проверенное утверждение, что ко всему привыкнет, приспособится человек, в возрасте под шестьдесят лет процесс обязательного привыкания давал сбои. Человек терял себя, его инстинкты отключали рецепторы человечности, милосердия, сострадания, оставляя только те, что отвечали за минимальную программу выживания.

Баракы, окруженные глухим деревянным забором, разместились на окраине Красноярска вдоль несущего обильные стывшие свои воды Енисея. За обширным водным потоком был виден заросший кустами, деревьями и травой остров Татышев. Вытянувшийся вдоль русла реки остров, названный так по имени князька из енисейских киргизов, что хозяйничали в этих местах до оседлавших местную Стрелку казаков. Казаки когда-то спустились по реке от Енисейска и открыли для себя *«...на яру угрожейе место, высоко и красно... де острог поставить мочно»*. Бились долго еще воинственные, крепкие да бородатые пришельцы за право распоряжаться здешними *«угрожими»* местами со свирепыми киргизами-хакасами, и не раз острог пылал и выгорал дотла. Но, едва переставали дымиться головешки срубов, неизменно поднималось городище из пепла, извещая звоном колоколов, что отныне земля эта московскому владыке подчинена и сеет окрест православие и божественные призывы о спасении души человеческой.

Стрелка на Енисее – центр города, застроена плотно вдоль берега. Здесь река делится на два потока, омывая остров. У Стрелки над всем городом на крутом берегу возвышается островерхий кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. За время советской власти собор обветшал, осыпался штукатуркой, прохудился кровом, лишился всех крестов и колоколов. Но, переживая тяготы войны, в последний год, когда вдруг просияло в сознании верховной власти, что божественное начало все же имеет смысл взять на службу во имя спасения в страшной войне, дали послабление и разрешили справлять обряды. Местный батюшка быстро организовал приход, и уже к Пасхе зазвенели нестройно три отлаженных, невесть откуда взявшихся на звоннице колокола. Потом с севера привезли на подводах монахи из Енисейска из скита у Монастырского озера еще два колокола, и обряд церковный зазвучал стройнее.

Когда звонят колокола собора, по воде божественный трепет долетает и до лагеря, и у многих от этого звона светлеют лица, разглаживаются глубокие горестные складки у носа, и теплеют глаза. Как сердечный привет издали от близкого человека, этот звон помогал жить – встраивал в погибельную систему какую-то живительную струну-надежду, мосток веры, крепил иммунитет души. Казалось, что несчастные люди за колючей проволокой и в окружении злых псов не забыты вовсе, что есть тот, кто помнит о них.

И даже конченные уголовники, этикие вывертыши душой наизнанку, отморозки, не верующие в Бога, не имеющие в душе и малейшего сострадания к ближнему, при звуках, мягким мелодичным звоном напоминающих миру о Его присутствии, замолкали, переставали сквернословить и, насупленные, отходили в сторонку. Знать, думал каждый о суде, что ждет его в назначенный день и час. А может, и не думал, но подсознательно ощущал бередение души, истонченные позывы к спасению. Бывало замечено, что и некоторые из уголовников, отбывающие срок за тяжкие свои дела, крестились, порой таясь в сторонке. В такие минуты приходило осознание, что помогает колокольный трепет преодолеть тяготы лагерной жизни и вымолить какое-то прощение до грядущего чистилища.

Место, где теснился лагерь, было красиво своим природным ландшафтом, но совершенно испоганено человеком. Кроме уродливого лагеря для заключенных с бесконечными атрибутами насилия, надрывным, словно простуженным, лаем сторожевых псов, деревянных нескладных вышек и слепящих ночью прожекторов, выжигающих глаза, портили вид пыльные грязные дороги, вдоль которых валялись брошенными обломки механизмов, стволы деревьев, комья вывороченной земли и бесконечные ряды ящиков и мешков с химическими реагентами, что хранились прямо под открытым небом, раздуваемые ветром окрест.

Лагерь разместили на окраине крупного города у железнодорожной магистрали и заброшенной от нее к причалу на реке ветке-узкоколейке, чтобы перевозить от станции у деревни Злобино к пристани многочисленные грузы для Норильского горного комбината. Комбинат за полярным кругом натужно трудился, чадя и ухаля механизмами: извлекал в муках людских и механических сил на поверхность миллионы тонн пустой породы и руды, чтобы заполнить металлургические котлы и выдать столь нужные для машиностроения редкие и дорогие металлы – медь да никель. Эки, размещенные в лагере, работали на станции и на причале, перемещая прибывшие материалы, оборудование и разнообразные стальные конструкции для комбината. Работа велась тяжелая: двигались, порой день и ночь, огромные краны, освещенные тусклыми фонарями и яркими, как всполох огня, прожекторами; сновали заморенные тяжелым трудом люди, груженные мешками, ящиками; громыхали на ухабах подводы; то и дело ревели судовые сигналы-ревуны.

Над всем этим суетным мирком висели сумеречная безысходность и частая в этих местах на стыке сезонов непогода.

Ранним утром группы заключенных выводили из-за дощатых невзрачных ворот лагеря и направляли двумя потоками на станцию Злобино и к пристани. Угрюмый поток несвободных людей сопровождался рыком собак и молчаливой угрозой раздраженных ранним подъемом солдат охраны.

На погрузке и разгрузке проводили день, прерываясь на короткий обед.обеда ждали пуще воли, особенно в холодные зимние и слякотные дни межсезонья под ветхим навесом, что едва прикрывал всех от небесных слез: в такие дни казалось, что плакало все вокруг – природа, небо, склонившиеся ветви берез, лапы елей, и даже дороги слезливо хлюпали лужами и раскисшей глиной. Если везло, то к обеду привозили еще теплую кашу или суп, и тогда жизнь становилась чуть краше и в душе пыталась гнездиться и расти надежда на лучшую долю.

Приняв в один долгий, казалось, глоток свою пайку, посмаковав за щекой краюху серого, как мышьяная шкурка, хлеба, охмелев от еды, садился Федоровский на корточки и, прильнув исхудавшей до скелета спиной к стенке какого-либо строения или к забору, начинал грезить, прикрыв глаза, чтобы хотя бы на минуту улететь в иную, теперь абсолютно мнимую реальность. Приходило от чего-то видение своего малолетства, когда тайком, скинув сандалеты, мчался босой по выбитой до пыльной пудры дороге и кайфовал от того, что между пальцев при ударе ступней ноги в пыль-пудру пробивались фонтанчики. А как необыкновенно бежалось по этой горячей, такой ласковой пыли! И было все нипочем и весело, когда нянька, углядев босоногого своего воспитанника, облаченного с утра в матросский светло-голубой костюмчик, причитала:

– Коленька! Коленька! Перестань! Где твои ботиночки, сынок!

А Коля теперь в виде побывавшего в забое шахтера, да еще и без обуток, чумазый, но озорной и веселый, мчался мимо няни, зная, что она не накажет, она любит его и даже маме не выдаст за шалости.

– А – там! Бросил у колодца! Мам Лиз! А там у колодца растут пиньоны! – вдруг переключался на иную тему босоногий шалун, вспомнив, как у колодца нашел сначала таинственные растрескавшиеся бугорки земли, а когда, немного остерегаясь – стоит ли? – стал осторожно ковырять палочкой, обнаружил плотные белые шляпки, так крепко пахнувшие грибами. Запомнить длинное слово, что мама ему говорила, не удавалось, и осталось в памяти укороченное имя пришельцев из подземного царства.

– Как ты сказал? – смеялась уже мама.

В летнем нарядном платье мамочка вышла на крыльцо из комнаты посмотреть на своего мальчика:

– Шампиньоны, проказник!

И было понятно, что и мама не сердится на своего малыша, и потому на душе становилось совсем легко и празднично.

Вспоминалась Федоровскому и долгая, до боли в лобной части головы работа над громадой материала, что он привозил из дальних экспедиций. Это были схемы, зарисовки, карты, образцы, скорые записи в дневниках, на которых были следы дождя, пыль далеких экспедиций и тяжелых, часто как работа Сизифа, маршрутов.

Помнился в деталях его заваленный аккуратными стопками папок и книг письменный стол со старой лампой, рядом с которой он просидел тысячу и еще не одну ночь, помнилась наполненная светом и воздухом веранда на даче, где под шум листьев берез и дождевых капель были записаны многие статьи и разделы книг. Помнилось, как порой приступив к работе свежим утром под пение птиц, так увлеклся, что только приглашение к вечернему чаю отвлекало от работы и весь день умещался, казалось, только на один вздох и выдох.

Вспомнил Федоровский неожиданную встречу с медведем в отрогах Саян, когда, поднимаясь по крутому склону, увидел стоящего на другой стороне хребта зверя. Тот замер на двух лапах, вытянувшись солдатиком – лапы «по швам», с совершенно умильным от удивления выражением на косматой морде, измазанной черникой, что обильно росла в сосняке на склонах. Видение это было кратким – молодой пестун, уловив запах неведомого ему зверя, тут же скрылся, огласив окрестности треском ломающихся под его лапами веток стланика.

Вспоминал профессор своих юных студентов, их пытливые глаза, которым часто говорил, что геолог – уникальная профессия, которую можно освоить и понять, только если как можно чаще бываешь в поле, в долгих, въедливых, порой выматывающих все силы, маршрутах.

Маршруты, этикие каждодневные походы по заданному азимуту, когда прямоком нужно перейти реку, не зная брода, или влезть на вершину островерхой горы, не ведая, как будешь спускаться на противоположной стороне гряды, уткнувшись в отвесный обрыв.

Все увиденное и имеющее отношение к предмету поисков в маршруте геолог заносит в дневник.

В дневнике указывался маршрут по азимуту и расстояние. Скромные частые заметки о том, что местность задернована и выходов пород нет, а где-то нет-нет да появится описание геологического обнажения с подробными зарисовками тонким карандашом бортов, пластами падающих и взмывающих слоев горных пород с описанием элементов залегания, многочисленных трещин и осторожные выводы о геологической природе здешних мест с размышлением – где же можно искать нужные нам поисковые признаки. Изучая свои дневники уже зимой, через несколько месяцев, а то и лет после заверченного сезона, вчитываясь или гадая над краткими заметками на полях, думая о минувшем, улетал сознанием геолог в события далекого уже полевого сезона. Упорхнув сознанием в прошлое, вынимал засохшие среди страниц

цветы, отмечал следы капель дождя и вдруг вспоминал порой такие мелочи, такие детали, что, улыбнувшись, вдруг думал в нетерпении – скорей бы в поле!

Иногда в дневниках, где-то на полях были наспех остро отточенным карандашом написаны две-три строки стихотворения, фразы, пришедшие в голову в маршруте или на привале рядом с исследуемым обнажением. Это были не просто написанные слова, это были откровения, эмоциональные всполохи раскрытой, как книга, души. Так порой появлялись на свет и суд равных по статусу первопроходцев стихи и песни о геологии и людях, ей служащих. Так появлялись заветные строки для близких людей, которые иногда становились достоянием всех, кто душой принимал суть написанного.

«Люди идут по свету...»

И действительно веришь в то, что

«...это просто, очень просто,

Для того, кто хоть однажды уходил.

Ты представь, что это остро, очень остро –

горы, солнце, пихты, песни и дожди».

Обнажение и поисковые признаки – два величайших двигателя геологического поиска.

Определение обнажения в голове обросшего и, прямо скажем, несколько одичавшего за недели экспедиции геолога, вызывает непременно ассоциации с далеким, как видение, женским образом. Это могло быть воспоминание о любимой или жене, или однокурснице, которую разглядывал на лекции в университете, любясь с заднего ряда открытой для взоров нежной шейкой, розовым ушком и завитками волос. В реальности обнажение – как разрез хирурга дает доступ к внутренностям, в данном случае геологической структуры, и этим вызывает неподдельный профессиональный интерес геолога. Редко какой геолог пройдет равнодушно мимо открытого взору обрыва или стенки разлома, на которых узор переслаивающихся и сложнейшим образом устроенных слоев горных пород способен многое рассказать внимательному и профессиональному взгляду.

Поисковые признаки – истинный материал, практически тропа к предстоящей находке, к открытию месторождения. Открыть месторождение для геолога – это то же самое, что открыть для себя любовь, и таким образом два основных образа в геологии сходились в единый эмоциональный и информативный ресурс: обнажение – как откровение, предмет колоссального интереса и восхищения, а обнаруженные поисковые признаки – согласие, взаимность интереса и ответных чувств.

Материал копился громадьем за период экспедиции, и сразу разгрести его не было времени, не было сил, и главное – не было интеллектуальной мощи все осмыслить в одночасье. Для этого требовалось время долгих размышлений, сопоставлений и скорых, как молния, догадок-озарений. Но в голове при насыщенной работе, в бесконечных, как затяжной прыжок из выси, маршрутах строился план будущего отчета, в котором будет создан, слеппен из отдельных фактов прекрасный материал и замечательные, складные, как песня, выводы о геологических перспективах исхоженной вдоль и поперек местности. Так рождались великие отчеты, как грезы, как путешествия в глубину истории Земли, замыслы великих геологов, изложенные так стройно, так увлекательно, что порой из строгого текста пробивался некий художественный смысл и дерзкий замысел, прорывающийся в будущий проект. Да, каждый геолог мечтатель, а еще писатель, художник и фантазер. И этого всего в нем имеется ровно столько, чтобы на ощупь, часто на удачу выйти к огромной сверкающей скале, которая сплошь из чистого металла. Да, такой сон часто снился многим в сырой палатке после чекушки разведенного спирта – огненной жидкости, что жжет душу так же, как великая идея и великий посыл к открытию, смиряя на время огонь души и возмущение разума. А как без этого, если после переправы через шумливую стылую речку зуб на зуб попасть не может и колотит так, что, ляз-

гая зубами, можно прикусить язык. А еще когда кажется, уже нет сил, и только скрытый мотив, поставленная сверхзадача ведут тебя через полевой сезон.

Так, соприкасаясь с выявленными фактами: замерах элементов залегания слоев, образцами горных пород, взятых по ходу замысловатого маршрута, в голове зрел и прорабатывался глубинным сознанием образ геологии здешних мест. Возникал образ искомого месторождения, и представлялись, порой в деталях, схемы несметных природных залежей. Проявлялись вдруг бушевавшие здесь когда-то стихии, извержения магмы, подвижки, разломы, поднятия земной коры, вызванные всполохами земного катаклизма.

Более всего человек, занятый всю свою насыщенную жизнь размышлением, поиском научной истины, привыкая оперировать многими терабайтами материала, многими схемами, зарисовками, таблицами расчетов по немыслимым для осознания формулам и замысловатым графикам, страдает поначалу именно от того, что оказывается лишен этой своей натренированной годами интенсивной умственной работы. Мозг никогда не отдыхает, копит информацию и переходит, порой переболев от напряжения, на новый уровень понимания задачи, выявляя суть явления, превращая проблему в осмысленный и готовый к использованию образ, технологию, вариант функционирования. Осмыслив сложный и путанный материал и прокладывая траекторию логических рассуждений только с одним верным маршрутом, можно прийти к, казалось, элементарным умозаключениям и удивляться простоте и ясности решения. Но, чтобы пройти этот путь, следует перелопатить по пути тонны мусорных эффектов и ложных посылов, пустяковых выводов и заумных концепций. И это все для того, чтобы прийти к ясному пониманию, что истина – чаще всего проста, лаконична, но неожиданна, уникальна, порой парадоксальна. Но обретается ясная структура проблемы, только если ты ею переболел. И тогда, пройдя свой многосложный путь, решение приобретает немыслимую красоту, а еще крепость и формируется как кристалл алмаза в среде, испытывавшей невероятное давление и нагрев.

Видимо, эти качества алмаза – редкость, простота, ясность, прозрачность, крепость, способность к метаморфозе и сделали этот минерал столь дорогим эквивалентом человеческого труда, мук и страданий.

Пройдя свой путь размышлений, роста сознания, ощутив в себе процесс прорастания и ветвления нейронов мозга, приходишь к пониманию, что истина – да, она проста, но простота эта не отражение внешних признаков предмета и явления, а некая смысловая глубинная субстанция, понятая лично тобой скрытая взаимосвязь, выявленная благодаря многим мегаваттам потраченной энергии, помноженной на миллионы килобайтов перелопаченной мозгом информации.

Без усилий и работы мозг начинает страдать, не перенося отсутствия новой для себя информации, продукта своего роста и развития. Эти страдания можно назвать и физическими, но область их распространения такова, что вгоняет человека в мучительную депрессию и полное ощущение ненужности и конечности и никчемности самого себя.

Это как у парящей свободно в выси птицы отнять крылья.

Если рост нейронов – процесс физически осязаемый и чаще всего постепенный, разнесенный во времени освоения предмета, то умирание нейронов, отключение рецепторов может быть быстрым, порой мгновенным. Это рождает колоссальный дискомфорт. При этом голова она никуда не делась, и может показаться – а почему бы ей не работать и дальше? Но выясняется – без подпитки информацией соответствующего уровня сложности, без четких постановок актуальных задач, без эмоций, сопровождающих поиск, механизм познания буксует и вскоре вовсе останавливается, переключаясь на простые функции человеческого обыденного существования и порой примитивную задачу элементарного выживания.

– Эй, доходяга! Подъем! – раздалось над утонувшем в глубоких раздумьях, граничащих со сновидениями, Федоровским.

– Заканчивать перекур! Вперед на работу! Живо шевелись!

Грезы и видения пропали, сновидения улетучились, и, немного оглушенный криком охранника, потерявшийся во времени, ошалевший Федоровский вскочил и, суетно поправляя шапку на голове, затрусил мелко вслед уходящей на работу колонне. Бежать по грязной дороге было неловко. Унизительно перебирая непослушными ногами эка под номером 1954, на ходу с опаской оборачивался на конвойного с рвущимся злобным псом, ожидая от него нового унижения или смерти.

ВЫБОР ПУТИ

Лариса вприпрыжку спешила домой из школы.

На улице кипела зеленью и освещала мир ярким небом поздняя весна, и лето уже стучалось в двери, обещая накалить мостовые, крыши домов и весь мир жарким солнцем. Но пока светило только пробовало силы, делая изумрудными на просвет свежую листву, еще совсем не запыленную и яркую. По утрам еще было совсем не по-летнему свежо, и воздух оставался прозрачен и неуверенно трезв перед полуднем, как завязавший с выпивкой учитель физкультуры.

Милая, ставшая такой близкой школа, отпускала своих учеников, и это рождало светлую печаль, которая читалась в глазах переживающих за своих учеников учителей. Читалась тревога и в нарочито задорном громком смехе самих десятиклассников, которые, радуясь окончанию школы, испытывали состояние тревоги и оттого теснились, сбивались в тесные кучки. Грудилась и с опаской ждали скорых перемен, пробуя «на зубок» грядущую полную событий почти что взрослую жизнь.

Ребята решительно, но с тревогой готовились принять решение о дальнейших своих путях-дорогах по жизни, которые так много теперь обсуждали. Говорили и они сами, общаясь, заводили разговор учителя в школе, уделяли этому время и дома обеспокоенные стремительным взрослением детей родители.

Ученики, понимая, что еще пару-тройку недель они могут побыть детьми, вдруг шалели от нахлынувших чувств и чудили, одаривали одноклассников и учителей избыточным вниманием, впитывая и фиксируя в памяти образы и запахи уходящего в прошлое детства. Впрочем, детское восприятие жизни еще не спешило уходить, и хотелось привлечь внимание своей нарочитой задумчивостью или, напротив, игривостью. Остро хотелось запечатлеть школьные образы и антураж с его запахами: мела, вытертой после урока и сохнувшей школьной доски, медного купороса, хлорки в туалете и сырого пола, протертого уборщицей Клавдией Ивановой перед самой переменой. А потому мальчишки, сговорившись заранее, сопровождаемые наиболее отчаянными девочками, вечером, раздобыв в пожарной части, что была по соседству, длинную лестницу, крадучись в полутьме, начертали под самой крышей школы краской «10а – выпуск 1941 года».

Дежурный инспектор пожарной станции снисходительно махнул рукой на просьбу молодых. А потом, вдруг спохватившись, отправил вслед весело несущих лестницу выпускников молодого пожарного, самого еще вчерашнего ученика. Отправил старый молодой сопроводить ребят и проследить, чтобы лестницу-то вернули на место. А юный пожарный в сияющей под фонарями каске со смехом присоединился к группе школьников, и вместе они весело двинулись к школе.

Казалось, эта надпись на века, как клятва в верности и заверение в любви любимой школе. Свершив это общее, сплотившее всех дело, хотелось быть вместе как можно дольше, и потому много говорили о грандиозных планах, смеялись и обещали друг другу скорые встречи и дружбу до скончания века.

Удовлетворив потребность увековечить память об этих полных волнений днях, гуляли чуть ли не до рассвета по набережной под сенью белых ночей и цветущих яблонь на встреч-

ных курсах с ребятами из других школ и тут же, полные открытости и таких понятных всем радостных эмоций, знакомились и братались.

Лариса очень спешила домой, помня мамин наказ не опоздать.

Лариса – худенькая, невысокого роста, прекрасно сложенная девушка с короткой стрижкой и челкой густых пепельных волос, нежными, пастельными красками лица и голубыми живыми выразительными глазами, в светлой кофточке и черной юбке, стоптанных туфлях, которых она немного стеснялась – так они были заношены, торопилась по знакомому маршруту. Лицо ее, немного овальное, с прямым носиком, с тонкими бровями и глазами, опушенными длинными темными ресницами, было особенно привлекательно, когда девушка улыбалась.

– Артисткой будешь, Ларка, – шутили подружки, отмечая ее красоту, и это было правдой, уж очень была похожа девушка на артистку кино Марину Ладынину.

Мама просила Ларису присмотреть за младшей дочерью, чтобы уйти на вторую свою работу – уборщицы в заводской столовой: зарплаты на основной работе не хватало и приходилось искать подработку. Нынешнее место работы было очень удачным: нужно было выходить ближе к вечеру, и иногда что-то перепадало из оставшихся после работы столовой продуктов и уборщице. Эти остатки тихонько делили, и скромную учительницу тоже не забывали, знали, что одна тянет двоих своих дочерей, без мужа. Муж и отец двух дочерей, с которым жизнь была наполнена смыслом и уверенностью в завтрашнем дне, пропал за дверцей черного автомобиля, сопровождаемый немногословными военными, оставив после себя лишь ношенные вещи с ослабевающим день ото дня знакомым запахом, несколько фотографий и воспоминания. Помнились отчего-то одни и те же события, каким-то образом зацепившиеся в сознании. Лариса вспоминала, как они вместе всей семьей ходили на пляж, и папа дурачился с ней и сестрой, ухаживал за мамой. Помнилось, как плескались на мелководье в морской волне, а папа бегал за мороженым и пирожками, что продавали в киоске у пляжа, и они все вместе, смеясь, поедали раскисающее лакомство, а потом закусывали теплыми еще пирожками и шли через парк и рынок домой сытые, довольные и совершенно ни в чем не нуждающиеся. Такие выходы на пляж были не частыми, но неизменно радостными. Воспоминания с годами становились все более короткими. Одни события накладывались без перерыва на другие, и только ощущение тревоги от той последней, общей в их совместной жизни ночи, когда увели отца, оставалось устойчиво тягостным.

Наступила пора заключительных школьных испытаний, и Лариса с волнением ждала последнего звонка.

Хотелось себя посвятить чему-то очень полезному для страны, совершить, может быть, что-то необыкновенное и даже героическое.

К своим семнадцати годкам девушка была по-прежнему не уверена в своем предназначении, и только гордость за страну реяла, звала вперед и требовала выхода во вне под звуки веселых песен и маршей.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

преодолеть пространства и простор...» – несло из репродукторов, и в этот миг и правда хотелось полететь неведомо куда и зачем, но сделать что-то важное, героическое и такое полезное для Отчизны. Хотелось шагать под гордо трепещущими на ветру красными первомайскими стягами и испытывать наполняющее грудь огромное желание быть полезной Родине. Чувства теснили грудь, и хотелось стать то летчицей и, как Марина Раскова, совершить героический перелет, или отправиться в далекие экспедиции в Арктику и стать нужной команде почетного полярника страны Ивана Папанина. На груди у Ларисы гордо поблескивал значок «Ворошиловский стрелок», и даже было время, когда она подумывала пойти в армию и защи-

щать любимую страну и ее гениального вождя, друга рабочих всего мира Иосифа Виссарионовича Сталина.

И вот теперь, следуя переулками Васильевского острова, девушка мечтала о большом ответственном деле, которое она сможет осилить и быть достойной напугствиям своего отца.

С отцом Ларисы случилась полная, как казалось, нелепости и несправедливости история, в которой было столько трагического, что и теперь, по прошествии нескольких лет, при воспоминаниях о тех днях вырывались рыдания у мамы и сдавливало в отчаянии судорогой горло у Ларисы.

По городу, как и по всей стране, катилась волна ночных арестов, о чем старались не говорить, чтобы не накликать беду, и, казалось, эта напасть минует семью.

Лариса помнила ту ужасную ночь, когда их разбудил невероятно громкий и настойчивый стук в дверь, а затем в прихожей оглушительно загремели кованные сапоги и прозвучали чужие грубые голоса. Так бывает, когда в твою жизнь врываются силы темной неведомой мощи, и ты становишься так мал, так ничтожен, что лучше всего себя чувствуешь песком, мелким осколком у подножия великой горы.

Открылась дверь, закрипели жалостливо половицы, и раздалось жестко:

– Собирайтесь, гражданин Гринцевич!

Потом был слышен из-за двери в детскую комнату мамин невнятный, лишенный смысла и логики лепет, бормотание и спокойный, но тревожный до звона голос отца:

– Дорогая, не волнуйся, я думаю, скоро товарищи во всем разберутся, и я вернусь. Не стоит волноваться, береги себя и девочек.

Это было последнее, что помнила Лариса об отце, ответственном работнике, секретаре райкома партии в городе веселых людей Одессе.

В минуты, когда она вспоминала об отце, она доставала с книжной полки потрепанную, зачитанную книгу под названием «Как закалялась сталь» Николая Островского, открывала измятую и потерявшую вид картонную обложку и читала старательно и красиво написанный отцом текст посвящения: *«Любимой моей Нинель, доченьке, в день вступления в ряды пионеров, наследников дела коммунистов и Советской страны. Будь достойна звания строителя социалистического Отечества и бери пример с автора этой замечательной книги и ее главного героя. Подвиг во имя Советской страны должен стать твоей программой жизни. Отец».*

Отец звал Ларису именем Нинель. Спор при выборе имени новорожденной дочери с мамой и бабушкой он безнадежно проиграл, но упорно продолжал величать дочь придуманным им именем, в котором читалось в обратном порядке – Ленин.

В те полные энтузиазма созидания и всепроникающей партийной идеологии годы многие ребята носили новые, необычные имена. В школе классом постарше учились двойняшки – мальчик Рево и девочка Люция, а в другом параллельном классе девочка с громким именем Сталина. А еще чаще встречались Владлен, Марлен, Вилор, Виль, Октябрина и другие имена мальчишек и девочек, в которых слышались раскаты залпа «Авроры» и четкий шаг солдат революции.

Редкостные, громкие имена порой влияли на жизнь: приходилось соответствовать и выслушивать замечания о том, что с таким-то именем человек должен являть обществу высочайший уровень социалистического сознания, старания и, если требовала ситуация, быть самоотверженным – думать прежде всего не о себе, а о пользе общему делу.

До утра, как только увели отца, они с мамой, конечно, более не уснули. Сидели вместе, крепко обнявшись, в отчаянии и ждали, что вдруг произошедшее окажется нелепой ошибкой, папа постучит в дверь и войдет в квартиру так, как будто явился с работы в бодром настроении с веселыми озорными глазами и широкой улыбкой счастливого человека.

Отец не вернулся и остался в памяти таким, каким Лариса видела его в тот последний в их жизни совместно проведенный вечер, который был таким же обычным, теплым и счастливым, как многие другие, но запомнился роковым своим завершением.

Отец в тот вечер в своих толстых круглых очках и взъерошенной головой много шутил с Ларисой и баловался с младшей дочерью. Катюша хохотала до слез от папиных «Шла коза рогатая, шла коза бодатая...» и, вырвавшись из рук отца, убегала и, утыкалась с хохотом личиком в мамины коленки, или пряталась за спину старшей сестры, или, чуть не в истерике, убегала в дальнюю комнату, когда «коза» настигала ее и пыталась забодать.

Казалось тогда, в те минуты, это счастье будет всегда с ними.

Лариса запомнила навсегда полный тоски и отчаяния взгляд отца через плечо, когда он уже выходил из квартиры, сопровождаемый плечистыми, крепко сколоченными и безразличными, как механизмы, мужчинами.

Долгими часами под дождем и снегом в наступившей слякоти они с мамой теперь часто стояли у кирпичных, набухающих влагой стен тюрьмы, у обитых железом ворот, чтобы сделать передачу теплых вещей и продуктов и добиться встречи с мужем и отцом.

Во встречах отказывали, а передачи изредка снисходительно забирали, но обратного отклика не было. Все усилия, вся энергия рвущихся от горя сердец, направленная навстречу родному человеку, распадалась при встрече с красными кирпичными стенами тюремных казематов, равнодушием и грубостью охраны.

Вестей об отце не было несколько месяцев, и уже на исходе года пришло официальное сообщение: *«Ваш муж приговорен к расстрелу как высшей мере социалистической справедливости. Приговор приведен в исполнение...»*

По дате выходило, что они с мамой ходили к тюрьме еще долго, почти полгода после того, как отец уже был убит.

Известие о гибели отца разделило жизнь семьи на две, не равные по уровню наполненности счастьем и достатком доли.

После ареста отца безмолвный укор посторонних, поджатые губы, строгость суждений и сухое настороженное сочувствие знакомых и близких людей стали невыносимы. И легкая на подъем мама, собрав скарб в старый, выдавший виды огромный чемодан, подхватила на руки младшую и, взяв за руку старшую дочь, отправилась в большой для нее родной Ленинград. Роковая осень 1937 года вошла в жизнь семьи как разлом, страшное воспоминание и время, когда яркий южный приморский город пришлось сменить на холодное и надменное солнце северной столицы.

Перемена в жизни Ларисы была разительна: беззаботное уютное время, наполненное улыбками и заботой отца и мамы, теплом и морем, когда просыпаешься с ощущением грядущего счастья среди бесконечно родных людей, сменилось прохладой и стылым сырым ветром с моря и Невы, чувством нескончаемой тревоги в ожидании беды, которое не покидало ни утром, ни днем. Вслед пришла и нужда – нагрянувшая вдруг бедность.

Но в Ленинграде, тем не менее, стало полегче – их здесь мало кто знал, хотя денег на жизнь одинокой жене врага народа с двумя девочками на руках всегда не хватало и приходилось перебиваться, оставаясь к концу дня без сил после бесконечных подработок.

Лариса уже приближалась к своему дому, думая о том, что, кажется, немного опоздала и мама будет нервничать, но отметила на лавке у дорожки сидящего немолодого мужчину и задержалась. Что-то в его напряженной и неестественной позе насторожило: она отметила смертельную бледность лица и сквозящую в фигуре и позе незащищенность и беспомощность.

«Плохо человеку», – пронеслась в голове догадка, и, не раздумывая, Лариса подбежала к мужчине.

Тот сидел на лавочке и, опустив седую, по-мальчишески косматую голову, держался одной рукой за грудь. Мертвенно-бледное лицо, лоб, покрытый испариной, запрокинутая

голова и прикрытые глаза показывали, насколько плохо человеку. Одет мужчина был в простую рабочую одежду – темную рубашку и брюки, на ногах стоптанные ботинки. Мужчина был высоким, худощавым, и было сразу понятно, что ему уже многое пришлось пережить, и этим он, собственно, совсем не отличался от многих ленинградцев преклонного возраста с их врожденной интеллигентностью. Лицо, избитое морщинами и складками вдоль щек, выглядело серым, нездоровым. Но, тем не менее, что-то в нем привлекало, какая-то неуловимая черта во внешности выдавала в нем мальчишку-оптимиста с не меняющимся с годами характером, что невольно проявлялось и во внешности неистребимыми вихрями на макушке и надо лбом, собранностью подтянутой фигуры.

– Что с вами? Вам плохо? Вам помочь? – обратилась к мужчине Лариса и не сразу узнала дворника, которого встречала несколько раз, когда он занимался наведением порядка во дворе, сосредоточенно выгребая мусор из-под лавок и выметая накопившийся хлам.

– Ничего, девочка, – с трудом преодолевая недомогание, ответил дворник, виновато улыбаясь, – скоро наладится, прихватило сердечко.

– Давайте я вам помогу. Таблетки у вас есть?

– Дома есть, с собой не взял. Все было с утра хорошо, и вот – прихватило-пригвоздило: дыхнуть больно, сковало обручем грудь. Но скоро отпустит – так уже, бывало.

– Хорошо, я подожду и помогу вам дойти. Нам, я думаю, по пути, – продолжила Лариса, понимая, что человек нуждается в помощи.

– Ну, кажись, полегчало. Пойдем, девочка. Спасибо тебе, – мужчина потянулся за метлой, что стояла у лавки, и, опираясь на черенок, осторожно, словно по тонкому льду, тронулся в путь, шаркая неуверенно по асфальту. Лариса взялась поддерживать его, и так неспешно они добрались до дома, в котором жил новый знакомый.

В квартире, усадив мужчину на кровать, Лариса проследила, чтобы он выпил таблетку нитроглицерина, подала стакан воды и тут же, извинившись, заторопилась домой, вспомнив, что ее ждет мама.

Добравшись вприпрыжку домой и слегка запыхавшись, Лариса застала обеспокоенную маму и тут же объяснила ей причину вынужденной задержки.

– Хорошо, поговорим вечером, доченька, а я уже бегу. Из-за твоей задержки опаздываю очень. Еда на плите, не забудь покормить сестру и сама покушай, – заспешила мама и, приобняв дочь, отправилась на подработку.

Маму Ларисы звали Ольга. Искусствовед про профессии, после переезда она устроилась на работу в школу, а теперь спешила к месту, которое спасало их семью.

Утром Лариса перед школой направилась к соседнему дому провести вчерашнего своего знакомого.

Встретил Ларису, несколько устало улыбнувшись ей навстречу, вчерашний знакомец у подъезда за уборкой двора. Увидев Ларису, мужчина вдруг смутился по-мальчишески и пригласил девушку пройти в квартиру, и тут же отправился ставить чайник.

В комнате, заваленной старыми вещами и книгами, массивный стеллаж за стеклом занимала коллекция образцов горных пород и минералов. Ранее Лариса не видела подобных геологических коллекций и зачарованно осматривала сияющие камни. Образцы за стеклом выглядели празднично, совершенно необычно, словно неведомая планета предъявила свои сокровища в виде друз хрусталя, яшмы, малахита, кристаллов кальцита, берилла.

Хозяин вскоре вернулся и, продолжая смущаться, представился:

– Вчера не познакомились. Меня зовут Александр Петрович! А вас, моя спасительница?

– Я Лариса-Нинель Гринцевич. Скажете тоже – спасительница, просто помогла вам дойти, любой бы так поступил на моем месте.

– Ой, не скажите, Лариса... У вас двойное имя? Нинель?

– Да, у меня два имени. Мама назвала меня Ларисой, а вот папа хотел, чтобы я была Нинель – это Ленин, только в обратном прочтении.

– О! Твой папа, видимо, очень признателен Ленину? Ты отличный человек, Лариса, и достойно носишь свое имя. Я там на лавочке долго просидел, а ты вот первая ко мне подошла, не поленилась, времени не пожалела и не побоялась, хотя очень спешила домой, но проявила сочувствие и помогла.

– Я стараюсь быть такой, какой хотел меня видеть папа. Его теперь уже нет: случилась какая-то страшная ошибка, отца арестовали, и он погиб.

– Как так?! Понимаю. Его обвинили как врага народа? Я понял, можешь не отвечать. Я сам носил этот ярлык и продолжаю нести, хотя ничего плохого против своей страны я не совершал. Ладно, Лариса, давай оставим этот печальный разговор. Давай поговорим о более интересных вещах.

– Хорошо, Александр Петрович. А что это у вас за коллекция камней таких чудных там под стеклом? Они такие красивые, такие разные.

– Дело в том, что я по профессии геолог, но в последнее время вынужден работать дворником. Очень надеюсь, что это временные трудности, – дрогнувшим голосом ответил хозяин и, окинув взглядом свою коллекцию, продолжил:

– Это образцы, что я привез из различных уголков страны, где довелось мне работать, ходить в маршруты. Здесь у меня и руда, и различные минералы, есть редкие полудрагоценные камни.

– Ой как интересно! Расскажите о геологии. Мне это очень сейчас важно. Я заканчиваю школу и сломала уже голову над вопросом, куда пойти учиться, какую выбрать профессию. Хочется что-то такое делать, чтобы было крайне важно и полезно для страны. Быть геологом, мне кажется, жутко интересно, я думала об этом. Расскажите, Александр Петрович?

– Расскажу. Геология – это увлекательное дело, способное захватить и увлечь на всю жизнь. И потом – это очень нужное для страны дело. Очень важно, что геолог – специалист, безусловно, преданный своей стране, ведь не кто иной, как геолог ищет и делает доступными природные богатства своего Отечества и открывает для ее развития далекие, упрятанные в тайгу, в болота, в недра истинные богатства земли нашей. Но для девушки такая профессия может оказаться очень тяжелой, непростой. Все же длительные экспедиции в далекие места, тайгу, пустыню, горы, места необжитые и дикие очень сложны, порой просто опасны. Приходится со многим мириться и многое преодолевать, ходить пешком маршруты, ночевать в палатке, сплавливаясь по бурным рекам на лодке и даже на плотах. Девушкам такая работа часто не по силам.

– Я этого всего не боюсь. Мне хочется заниматься интересным и важным делом. А скажите, отчего вы теперь не работаете по профессии, а метете двор? Конечно, любая работа почетна, но вы были бы, я думаю, более полезным для страны, работая геологом.

– Вышло страшное недоразумение, как мне кажется. Я недавно только вернулся из заключения: строили железную дорогу на севере возле Воркуты. Так что я не самый удачный вариант для знакомства, уж извини. Теперь многие делают вид, что не знают или не помнят меня. Вот и на работу в университет, в котором я занимался минералогией и геологией рудных месторождений, восстановиться опасаются. Теперь это все видимо в прошлом, хотя за пять лет лагеря я ничего не забыл, а наоборот, многое переосмыслил. Мне очень хочется вернуться в профессию и снова заняться геологией. А пока был в лагере, умерла мама, перед самым возвращением. Но здорово, что хоть комнатку нашу не успели забрать, – с грустью в голосе рассказывал новый знакомый о своей трагедии.

Лариса смотрела на Александра Петровича и вспоминала отца. Она подумала, что не только у них в семье случаются роковые страшные потери, и это, конечно, беда – стать ненужным, враждебным своему народу и в одну из ночей исчезнуть за тюремными засовами. Воз-

можно, это наказание, расплата за то, что не очень старалась быть достойной своей страны. Ощувив к Александру Петровичу доверие, Лариса поведала о том, что не рассказывала никому:

– А у меня папу арестовали. Теперь его уже нет. Я не знаю, в чем он виноват, ведь он был очень честным и справедливым человеком, ничего не делал плохого и всегда был за Сталина и предан Советской власти. Я думаю, это какая-то ошибка.

– Да, наверное, это так, – не стал расспрашивать и развивать тему Александр Петрович и отправился в кухню, где уже трубил вскипевший чайник.

После этой встречи Лариса, освободившись от занятий и дел, спешила в гости к Александру Петровичу, и он был всегда ей рад: светился улыбкой, лицо его разглаживалось и необычайно молодело. Лариса поставила перед собой цель изучить все минералы и образцы горных пород из коллекции, а хозяин увлеченно рассказывал долго о каждом образце: что это за минерал, его состав и чем он интересен, какими обладает свойствами и где был отобран. Рассказы эти были красочными, наполнены воспоминаниями о дальних местах и самых различных событиях, случаях полевой жизни геологов. Лариса задавала много вопросов и однажды спросила о том, чем отличаются алмазы от бриллиантов.

– Знаете, Александр Петрович, нам в школе рассказывали, что добывают такие ценные камешки, которые называются алмазами, а потом из них делают бриллианты для дорогих украшений. Я такие украшения видела только в музее. Водили нас в Эрмитаж, и мы с ребятами заспорили о том, зачем нам, советским девочкам и женщинам, эти украшения. Это же роскошь, которой не должно быть у человека. Все-таки главное в жизни – это делать полезное дело, а не украшения носить. Я вот считаю, что без украшений точно можно обойтись. А значит, и искать, и добывать алмазы – для чего?

– Ну что ты, Лариса? Алмазы используют гораздо в больших количествах в технике, например, вот в часовых механизмах, для обработки твердых материалов, изделий из стали при производстве машин. А что касается украшений, я думаю, и нашим женщинам нужны красивые кольца, серьги и браслеты. И потом, если даже для советских женщин все эти брошки будут не нужны, можно продавать драгоценные камни за границу, а покупать станки и машины для промышленности.

– А у нас добывают алмазы? Я вот что-то не припомню. Много пишут и говорят о железной руде, угле, меди, а вот об алмазах совсем ничего не слышно.

– Это и немудрено. Нет у нас открытых месторождений, и алмазы приходится покупать за границей. Много алмазов добывают в Африке, оттуда и везут алмазное сырье. А алмаз – уникальный минерал. Он обладает невероятной твердостью и при отсутствии примесей может быть абсолютно прозрачным. А еще очень интересным, на мой взгляд, является то, что у алмаза есть практически брат – графит, у которого аналогичный химический состав. Но вот свойства, особенно твердость и прозрачность, абсолютно противоположны. Графит он всем известен – ведь, например, в карандаше грифель графитовый. Как известно, карандаш потому и может чертить и писать, оттого что у него грифель из мягкого черного и совершенно не прозрачного графита.

– Ой как здорово! Я даже и не думала о том, что графит – это минерал, который состоит из того же вещества, что и алмаз. Вообще не задумывалась, а нам в школе не рассказывали. А отчего же тогда алмаз и графит так отличаются? – воскликнула Лариса, и было заметно, что тема минералов ее увлекает.

– Все дело в строении. У алмаза она в виде кристалла в форме куба, а у графита пластинчатая, такими микроскопическими чешуйками. А еще у алмаза заряженные частицы располагаются очень плотно, что и дает такую высокую твердость, которая особенно высока на гранях.

– Да, алмазные грани – такое есть выражение, которое определяет высочайшую твердость и стойкость, – воскликнула Лариса и вспомнила учителя физики, который им рассказывал о свойствах и прочности материалов.

– Эта тема очень интересная, потому что качества алмаза и графита определяются условиями их образования. Вот если для образования графита нужна высокая температура при извержении горячей магмы и насыщенная углеводородом горная порода, то алмазу этого недостаточно. Для образования алмаза нужен огромный по мощности взрыв, который еще добавляет к температуре и сильнейшее давление на горную породу, насыщенную углеводородом. И вот тогда из углеводорода образуются чистейшей воды кристаллы.

– Интересно, получается, что из графита тоже можно получить алмаз, если его правильно обработать, добавить давления к температуре?

– В общем, наверное, это возможно. Только в природе это происходило во время формирования земной коры, и теперь такие процессы уже вряд ли возможны: алмазы являют собой признаки периода геологической молодости Земли. Поэтому только если удастся сделать мощные установки и машины для изготовления алмазов, можно из графита получить кристаллы высокой твердости. Но это очень сложный процесс, и я не представляю, как это можно сделать. Пока это возможно только в фантазиях писателей. А я вот еще о чем размышлял, узнав о свойствах алмаза и сравнивая его с графитом. Крайне важны условия формирования, чтобы из одного материала получились высокие качества. Так и с людьми. Насколько различными бывают люди в зависимости от того, как они воспитываются, в каких условиях растут и какие сами к себе предъявляют требования: кто-то великий труженик, гений науки, победитель и лидер, а кто-то размазня, подлец и приживальщик.

– Да, я поняла, Александр Петрович! Вы, наверное, имеете в виду нашего вождя Сталина! Какой великий из него получился человек!

Александр Петрович спрятал глаза, опустил голову, нехотя кивнул головой и ничего не ответил на эмоциональный возглас Ларисы. А Лариса, не заметив скептической реакции геолога, снова воскликнула задорно, с мечтательной улыбкой на лице и ярко горящими глазами:

–

Я решила, Александр Петрович! Пойду учиться на геолога! Вот сдам экзамены в школе и сразу побегу подавать документы в институт. В какой посоветуете? Вы где заканчивали институт?

–

Я закончил Ленинградский университет, геологический факультет. Очень авторитетный состав преподавателей работает нынче в ЛГУ, многих я знаю лично. Рекомендую, – улыбнулся в ответ на эмоции юной девушки старый геолог.

УНИВЕРСИТЕТ И КАК ВЗРОСЛЕЮТ ГЕРОИ

В гулких коридорах университета кипела жизнь: студенты завершали семестр, рассевшись на подоконниках огромных, во всю стену, окон, а абитуриенты несмело ходили по гулким коридорам, заглядываясь на геологические коллекции под стеклом и портреты в золоченых рамах на стенах, с которых смотрели строгие мужчины в мундирах горных инженеров. Под каждым портретом присутствовала латунная табличка с фамилией, именем и отчеством ученого и профессора.

Лариса так же несмело шла в направлении приемной комиссии, и ей нравилась обстановка и атмосфера университета, так не похожая на шумливую школу с ее беспокойным юным контингентом, снующим по коридору с криками и играми, которые может остановить только резкий звонок, призывающий учеников на урок.

В приемной комиссии геологического факультета Ларису встретил дежурный секретарь. Это был совсем молодой человек, как оказалось, студент выпускного курса по имени Александр. В вельветовой курточке, черных брюках, светловолосый и приветливый юноша поинтересовался о причинах поступления на факультет такой красивой девушки. Интерес молодого

человека, собственно, не простирался далее того, чтобы познакомиться с абитуриенткой, и оттого Саша краснел и чувствовал себя неловко.

– Мне нравятся минералы, – робко ответила Лариса, воспринимая студента, перешедшего на пятый курс, Александра, как, вероятно, воспринимает старослужащего только прибывший в воинскую часть новобранец – с полным вниманием и трепетным почтением.

– Да, это интересная наука – минералогия, – напустив на себя серьезный вид, ответил молодой человек и сконфузился, вспомнив, что пришлось сдавать профессору Ферсману минералогию аж пять раз, а на выходе с итогового зачета он позабыл сразу многие формулы и названия минералогической коллекции. По всему выходило, и профессор дал понять молодому человеку, что не очень у него хорошо с общей подготовкой и желанием осваивать науки. Понимая, что удивить красивую девушку не получилось, не найдя темы и способа продолжить разговор, который должен был привести к знакомству и возможности пригласить девушку на свидание, Александр предложил заполнить заявление и специальную анкету для поступающих.

Выполнив все, сто требовалось при подаче документов в приемную комиссию, Лариса отправилась по набережной к Стрелке, где дожидался Гриша, одноклассник, с которым она дружила последний год школы. Гриша отправлялся на следующий день поступать в военное училище, выбрав артиллерийское. А Лариса спешила теперь на встречу с Гришей, поскольку ранним утром она вместе с отличниками выпускных классов Ленинграда отправлялась в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку по специальной путевке, и потому увидеться было нужно непременно. Поездка эта не позволяла Ларисе проводить друга, и, понимая, что разлука может затянуться, девушка испытывала неловкость от того, что не может быть с ним при расставании. Лариса спешила и на ходу думала о том, что вот и началась их взрослая жизнь, о которой они мечтали: у каждого свой путь и своя траектория в жизни, свое предназначение, а значит все не просто, на бегу и так будет теперь всегда, ведь жизнь не стоит на месте и как вода течет, рождая энергию.

На выставке в Москве ребятам поручалась серьезная работа: нужно было помогать в оформлении павильонов и участвовать в мероприятиях при открытии выставки. Говорили, понизив голос и затаив дыхание, что на открытии выставки будет руководство страны и даже сам Сталин, и только самые достойные смогут быть рядом с вождем.

Гришу Лариса нашла у парапета набережной. Юноша, разглядев среди прохожих девушку, сразу ей радостно заулыбался, а когда Лариса подошла, почувствовала, как взволнован Григорий. Она и сама волновалась, понимала, что сегодня особый день и они уже совсем взрослые, и, возможно, должны сегодня сказать важные слова на прощание.

– Гриша! – позвала Лариса, подходя к парню, и, несколько смутившись, выпалила скороговоркой:

– А я подала документы в геолого-почвенный в университет. Все же я решила стать геологом! Мне ребята-студенты рассказали, что уже после первого курса они ездят на геологические практики и проводят в поле все лето. Я сначала не поняла – почему поле? Думала, их отправляют в колхоз работать в поле, как в огород. А оказалось, полем геологи называют все места, где работают в экспедициях. Вот в прошлом году они были в Крыму, где изучали горные породы на побережье и купались целых две недели, пока шла практика. Ты знаешь, Гриша? Мне это так нравится! Я люблю ездить и открывать новые места, а еще если придется изучать геологию, собирать образцы и открывать месторождения, я буду точно самой счастливой.

– Я рад за тебя. Ты молодец! А я буду служить в артиллерии. Это очень нужное и современное дело. В мире столько зла и столько врагов у нашей страны, что я, думаю, смогу быть ей полезным. Представь, ты будешь ездить в далекие экспедиции, а я тебя охранять и защищать. Здорово?

– Да, я знаю. Я буду тобой гордиться и всем расскажу, что мой друг, один из лучших математиков школы, учится в военном училище на артиллериста.

Ребята пошли вдоль набережной, продолжая вести беседу, несколько с тревогой думая о том, что завтра они уже не смогут увидеться и наступает разлука. Но хотелось верить, что расставание будет не долгим, а главное, они будут учиться и работать, чтобы быть нужными для своей страны, в этой раскрывающейся перед ними большой жизни.

Утром мама провожала с сестренкой Ларису на вокзале. Играл духовой оркестр курсантов морского училища, и десятки юных выпускников школ, нарядные, торжественные, под напутствия комсомольских руководителей разместились в вагонах. Поезд тронулся, набирая ход, и ребята с волнением смотрели на оставшихся на перроне родителей и друзей, махали им на прощание руками и платочками.

Москва встретила юных ленинградцев по-деловому: ребят разместили в общежитии и определили обязанности. Следовало участвовать в репетиции открытия выставки достижений сельского хозяйства страны и помогать в оформлении павильонов. До открытия выставки было еще достаточно долго: по сложившемуся графику открытие павильонов было намечено на первое августа, но работы нужно было сделать очень много. Ребят пригласили поучаствовать в подготовке экспозиций, а затем их должны были сменить выпускники школ из других городов и республик, и только лучших из всех участников планировалось пригласить на торжественные мероприятия при открытии выставки. Разместили ребят в студенческом общежитии университета, освободившегося от студентов после летней сессии. Студенты шумно уезжали на практику или домой после окончания вуза, и можно было наблюдать из окон это веселое событие. Вчерашние школьники с ходу окунулись в атмосферу студенческого стихийного праздника с его смехом, танцами, гулянием до рассвета по площадям и набережным столицы.

Работа на выставке кипела. Ежедневно привозили новые конструкции, клетки для животных и прочие атрибуты сельскохозяйственной жизни. Двадцать первого июня к вечеру всех ребят из Ленинграда собрали у павильона, и директор выставки, солидный Николай Евграфович, в легком летнем костюме и косоворотке, комкая в руках свою неизменную шляпу, выступил перед ребятами и поблагодарил за работу. С понедельника к вахте на выставке должны были приступить выпускники школ из Поволжья.

– А завтра, дорогие ребята, за ваш такой замечательный вклад в дело подготовки важнейшей для страны выставки мы приглашаем всех в Парк культуры и отдыха в Сокольниках. Вас ждет праздничная программа, и всем в подарок дарим мороженое, – завершил выступление Николай Евграфович.

– Ура! – зашумели молодые люди и отправились гулять по нарядной, прихорашивающейся перед открытием Всесоюзной выставки Москве.

Гуляли долго, до полуночи, много говорили о будущем, о том, кто куда идет учиться, и о том, что все-таки Москва – отличный город, но лучше Ленинграда нет, и совсем скоро, всего через два дня, они будут гулять по Фонтанке, набережным любимого города.

Ночь прошла скоро, а утро в городе было необычным, вдруг стремительно суровым: тяжесть раннего известия о начале войны изменила всех. Безмятежные еще вчера лица людей на улицах города были строги, и все чаще по городу передвигались грузовики с военными, а на улицах появились дополнительные посты милиции и патрули солдат.

С выставки в общежитие к студентам, живо обсуждавшим все последние сводки о войне, прибыли порученцы и объявили, что намеченный культурный выход в Сокольники отменяется, а завтра с утра всем нужно прибыть на территорию выставки для работы: принято решение о том, что ребята должны задержаться, так как в связи с началом войны Всероссийская выставка откладывается до победы над врагом, а теперь нужно помогать разбирать выстроенные уже павильоны и готовить город к обороне.

В Москве пришлось задержаться до конца лета. Вся Москва напряженно работала, готовясь к отражению воздушных атак. Настроение в городе было тревожным от ежедневных сообщений о тяжелых боях.

Месяц город жил в тягостном ожидании немецких бомбежек, о которых заговорили уже на второй день войны. Укрывались памятники, маскировались дома, и скоро летний нарядный зеленый город преобразился: вдоль улиц выстраивались аэростаты в сопровождении солдат, появились защитные валы из мешков с песком, здания обтягивались маскировочными сетями, выстроились вдоль улиц стальные противотанковые ежи, на площадях разместились зенитные орудия, укрытые и замаскированные. На каждом углу теперь стояли суровые постовые. Двадцать первого июля прозвучали леденящие душу первые звуки сирены, и оказалось, что фашисты направили в город самолет для разведки, а значит, скоро прилетят уже армады бомбардировщиков. Тревога достигла предела. Но бомбежки не последовало, и ребята, обсуждая события, решили, что фрицы трусили, когда увидели, как хорошо готов город к отражению атаки. Все понимали, что это не так, но храбрились, не зная, как можно подготовиться к грядущему страшному событию.

На следующий день, как только город погрузился в темноту, раздался вой сирены и над городом разразилась битва. Десятки прожекторов нащупывали в небе смертоносные крестики самолетов, шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град, грохот зенитных орудий и рев самолетов заглушали звонкие разрывы зенитных снарядов. А в городе слышались оглушающие, вызывающие содрогание земли разрывы бомб. Заполыхали пожары. Город оцетинился копьями прожекторов и шквальным огнем зенитных орудий.

Утром по радио сообщили, что над городом было отмечено не менее двухсот самолетов противника, которые бомбили город всю ночь до рассвета, но доблестные летчики и зенитчики сбили более двадцати из них.

Бомбежки продолжались каждую ночь, и ребят отправляли ночевать в метро. Уже с вечера в вестибюле станций метро выстраивалась очередь из горожан: все желали занять мягкие места в вагонах. Самые лучшие места получали женщины с детьми, а Лариса с друзьями устраивались на платформах или в тоннеле. В метро скоро обжились, появились библиотеки, кружки для школьников, читались политические доклады и лекции, и даже устраивались торжественные мероприятия. Бомбежки весь июль и до середины августа были такой силы, что даже не выдерживали перекрытия метро и на перегоне между станциями Смоленская–Арбат обрушилась кровля. Вскоре был разрушен метромост и вестибюль станции Арбатская, где погибли десятки москвичей, спускавшихся в этот момент в убежище. Но метро спасало, и было понятно, что без метро погибших москвичей было бы несравнимо больше.

Город защищался, и противник нес потери. Двадцать пятого июля по радио сообщили, что на площади Свердлова будет выставлен один из сбитых юнкерсов, совершавший налет накануне. Москва потянулась на площадь и смогла увидеть поверженный боевой фашистский самолет в пробоинах и отметилах после тяжелой посадки возле города. Истерзанный и уже не опасный самолет врага придал уверенности горожанам: проходя мимо него, все видели, что это только изрядно побитое, с мятой обшивкой механизмы, а не деспот небесный, полет которого страшен, а он сам неуязвим.

В первых числах августа над Москвой разгорелось очередное сражение, и на следующий день Москву облетела весть о том, как молодой советский летчик Талалихин на своем курносом И-16 таранил над городом немецкий Хейнкель, не позволив ему отбомбиться на город. Ликованию не было предела, и еще более было радостно от того, что летчик остался жив и стал героем, примером для всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.